

*Ни ума,
ни фантазии*

Никита
Немцев

ЛОТТЕ РУС
HOTEL & CONFECTIONERY

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЛИЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ

Rideró

Никита Немцев

Ни ума, ни фантазии

«Издательские решения»

Немцев Н.

Ни ума, ни фантазии / Н. Немцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968516-2

Представьте себе, что вы держите в руках книгу (или она смотрит на вас с экрана — сейчас это не важно): она лохмата, неопрятна, мерехлюндит, дышит перегаром, мутнеет, как на свидании, с неловкостью хохочет, мальчишится: ей стыдно что она — такая — и беззащитна под чужими взорами. С ней скучно ехать в электричке, ей нечего рассказывать о себе (у неё нет ни ума, ни фантазии), но как у всякой книги — единственная мысль пронзает её ранимый корешок: «Пожалуйста, откройте». Но упаси вас Бог — не надо. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-968516-2

© Немцев Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Ни любви	8
Висельники	8
Две половинки	12
Писательский роман	17
Ни тюрьмы	21
Заводик времени	21
Будни Аэрославля	23
Часовичок	26
Человек на скамейке	30
Приглашение на прогулку	36
Остров Татышева	39
Тихая тьма	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ни ума, ни фантазии

Никита Немцев

© Никита Немцев, 2019

ISBN 978-5-4496-8516-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

*Эту странность
Как странника укрой в своем жилище.
Гамлет, действие I, сцена 5*

*– На циферблате шесть. Ваш поезд в девять?
– В девять тридцать.
– Что ж, постранствуйте. Это так просто: упаковать вещи
и переместиться в пространстве.
С. Кржижановский. Странствующее «странно»*

Мои пальцы странствуют по корешкам, глаза обегают табуны букв, лампочка сплёвывает жёлтым чахоточным светом, а в окно стучится луна. Я ей не открою. Холодно.

Я судорожно ищу подходящий эпиграф. Сборник готов – не хватает только этой бездельницы. Гёте? Бодлер? Борхес? Неудачный эпиграф – худшее, что может быть на свете. Хуже только перловка.

Глаза молят об отдыхе, буквы кажутся фиолетовыми и оживают. Включаю Шостаковича и ложусь на диван: под головой Толстой – углом тычет прямо в шею. Хорошо.

Флейта звучит насмешливо, как бы с упрёком: ты не поздравил друга детства, Никита, ты гад, ты ехидна, у него же день рождения! А точно. Написал ему сегодня: «Как житьё-бытьё твоё красноярское?». Он отвечает: «Ничего, день рождения вот праздную». Я и тогда не поздравил – пошёл Хармса перечитывать в надежде на эпиграф.

Стойте-ка. Да. Кажется, к поздравлению хорошо пойдёт эпиграф из Рабле. Точно! Из его предисловий. Что-нибудь про сифилитиков и пьяниц – то-то обрадуется: он же медик. Открываю синюю книженцию. Сейчас-сейчас... Чёрт! Это не Рабле, а Селин. Ладно, тоже врач. Так-так-так. Вдруг я чувствую, что уже не держу книгу в руках, что я свалился, что я куда-то пропал, что я – даже сказать – внутри книги: на меня валится дохлая лошадь, я слышу звук выстрелов: вдруг понимаю: лошадь – это Ъ, стрельба – гласные заговаривают зубы согласным; невдалеке две Н сидят в суффиксе, обнявшись, и хохочут: из приставки выходит сухопарая И, приближается ко мне и вероломно щекочет; я бегу на чистые поля, – но оттуда меня смахивают мои же заметки: ничего не остаётся: я решаюсь броситься со страницы в неизвестность, – но книжка захлопывается, наступает полная ночь. Только из межстраничного зазора какой-то свет долетает.

– Эй, ты чего? – раздалось подо мною. Я отшатнулся. Оказывается, я самым неприличным образом уселся на Ё – прямо на точки.

– Извините, – пробормотал я.

– А! Так это ты тот самый похититель эпиграфов? – Ё поёжилась непоседливо.

– Кажется, так.

– Эй, Ж! Ну где тебя носит? Он здесь! – Ё крикнула в сторону. А потом снова ко мне: – Думал, так легко буквы достаются? Ты вообще знаешь, сколько ты уже наворовал?

– Постойте. Погодите. Я не понимаю. О чём вообще речь?

Но Ж успела обнять меня своими чёрными лапищами, и крик мой стал беспомощней, чем последний комариный писк.

Никита Немцев. Ни ума, ни фантазии

Странный парень этот Никита. Зазвал в Москву свою блинскую, а сам забурился не пойми куда. Приезжаю, значит: дверь открыта, никого нет. Только листок на столе и книжки разбросанные. Непорядок.

Ну, полистал я, короче. Нет его ни в Селинах, ни в Раблях. Пара клякс замызганных нашлась, но ведь не мог же он, кхе-кхе...

А сборничек мне понравился. Некоторые страницы – почти лихорадка, естественно, но даже интересно. Я чуть-чуть подправил. Ну так, слегонца. Корни-то забыл, районы Красноярские пугает. И всё такое.

Розыски Никиты я продолжаю. Об успехах я вам обязательно доложу. Хотя вообще – грустно, жалко и обидно. Нормальные ребята эти писатели, а всё на эти самые эпитафии идут. Как бы тут и самому не загреметь...

Ни любви

Кража, публичное выступление, употребление психоактивных веществ, признание в любви суть явления одного порядка: всё это преступление, выход за пределы своего «я» – навстречу странному и неизвестному.

А. Ф. Шульгин. Химическая история любви

Висельники

Кхм-кхм. Э-да. Ну то есть, как бы...

Вот.

Парень один был. Весёлый такой, знаете? Но на самом деле грустный, конечно. Между двоемирием и вечным возвращением у него мысли барахтались – вот как. В институте он учился ещё. Или закончил уже – не помню. Занят был души шатанием свободным, в общем. А звали его Антон. Или Володя? Пусть будет Ваня – так удобней.

И вот этот Ваня пил. Наотмашь. Ну, так могло показаться. Один он, в общем-то, ни-ни, даже на морозе. Да и за компанию тоже. Он за компанию только рядом сидел: сигареты курил крепкие и шутки травил висельнические, так сказать. Или про литературу заливал – если вдруг начнётся. Или на дерево залезал – если дело на природе. Или посуду мыл – если всё-таки дома. А вообще Ваня пил, да.

Радостей у него было немного, а те, что были, – и радостями-то никакими не были. И если опять начиналось это мучение, если собирались у кого-нибудь все забулдыги мира, Ваня обычно думал: «Уйду», – говорил: «Остаюсь», – а сам сидел ни то и ни сё.

– Чтó?

– Ничего, – отвечал Ваня беспомощно толстому парню и наливал ещё одну. Нет, он пиво, кажется, пил.

Курили, болтали, смеялись. Хотя вообще-то молчали. Слушали Doogs и молчали. А тут вдруг вылез один: в костюмчике, как жёрдочка:

– Так правду говорят о величии Достоевского или преувеличивают?

– Чего? – Ваня переспросил.

– Ну. Величие Достоевского.

– Я не понимаю сути вопроса.

– Ну. Величие...

Жёрдочку в костюме до поёживания волновало, кто именно убил Карамазова-старшего, ведь, так сказать... Или кто убил старушку процентщицу, – вернее, как это поможет... Или почему Ставрогин повесился на шнурке, если...

– Кириллов такой смелый!

С неожиданною для себя самого резкостью, Ваня обернулся на этот голос: тоска, что давно уже ошивалась у него на душе, – сделала ручкой и сменилась интересом.

Смелостью Кириллова была очарована девушка крайне потешной внешности: геометрия её очертаний настойчиво ломалась рядом небрежно разбросанных деталей: складочка у левого уголка рта не отражалась справа; нос, будто боясь подозрений в еврейском происхождении, давал лихой выгиб вглубь; глаза были цвета зелёного чая, но в правом из них примешалась чайника; и пробор, из которого струились по обе стороны чёрные, несколько выющиеся волосы, – как-то сам собою отползал с середины головы.

Щёки говорили: «Это лицо – груша!» Волосы перекрикивали: «Это лицо – колокольчик!» Чёрная юбка, белая блузка, серые колготки: пытаюсь строгостью подпоясать природную нелепость, она одевалась как училка.

Это была Даша.

С удивлением Ваня расслышал, что говорит она всё ровно то же самое, что сам он наговорил бы интересующейся Достоевским жёрдочке – если бы не тошнотворная скука. Речь её была хлестка, напориста и сокрушительна: доводы неколебимы, суждения безапелляционны, размер груди второй.

Ну, то есть. Так как-то. А дальше не знаю, что было. Нет, ну немножко знаю... Они понравились друг другу. Ну. Вроде. Ну. Ване так показалось. Он и позвал её гулять – то ли в Измайловский парк, то ли в Филёвский, – хотя, честно говоря, кажется, это были Сокольники или Воробьёвы.

Договорились, встретились. Ваня надел свои лучшие, должно быть, джинсы и пять тюльпанов Даше вручил. Нет, это лилии были (а похожи на хризантемы). В общем – по пути сорвал.

– Что это? – спросила Даша, пышно изумляясь: Ваня уже надеялся на улыбку. – Ты что, сорвал? – Ваня кивнул, и она тут же ударила его цветами. – Негодяй!.. Беспутник!.. Проходи-меч!.. – И бросила букетец вон. – Не делай так больше!

– Почему?

– А если все начнут цветы рвать – что тогда?

– Да ничего страшного. – Ваня заглянул ей в глаза. И понял: страшно.

Духи у неё были душиные.

Немного порасспросил. Даша училась на истфаке: Третий Рейх изучала. Любила Гайдна, Вольтера, Ломоносова. Зачитывалась Чернышевским: бедненький он, конечно, – писал в этой своей ссылке, шаги считал... Хотя дурацкие у него идеи, придурь просто, – но в этой-то придури и самая суть! И...

Ваня не расслышал, что ещё.

То ли по косогорам спускались, то ли по тропинкам ходили. Ваня пытался увести Дашу совсем в глушь, там хорошо, – но она оказалась строптивница: природа хороша, когда она вписана в город, когда обнесена забором, а на этот обрыв я не пойду!

Они устроились на примирительной скамейке, и Ваня предложил ей сигарету из портсигара дождливого цвета.

– Я не курю.

– Ладно.

Даша спросила, не против ли он, если она поест. Ваня против-то, конечно, не был, но, в общем, – был. Сам голодный потому что. А всё равно сказал: «Нет, конечно». Даша достала из сумки контейнер и стала есть бутерброд. За ним ещё один. И ещё. А потом ещё. Ваня диву давался: он-то привык, что женщины едят как птички.

Покончив с обедом, Даша откинулась на спинку и задрала голову – чтобы получше рассмотреть синее-синее небо. Ване предстал во всей красе её бесформенный подбородок и две белёсых волосинки, что торчали из него. Он давно догадывался, и всё же надеялся, что это враньё: но в уголке любого – самого даже красивого лица – прячется уродство.

В траве какие-то гады копошились, а кроны бухтели угрюмо. А. Нет. В кроне тоже копошились, но не гады – дети. Воздушный змей угодил у них туда и утлой ниточкой повис. Дымок сигареты вился незатейливо. Сорокалетний мужик с игрушечным вертолётчиком носился где-то рядом...

А Даша с Ваней – молчали изрядно. Ну, много. Ваня понятия не имел, куда смотреть, – переводил взгляд с зелени деревьев на зелень Дашиных глаз. Ну, то есть. Ну, может быть. Или про... Нет, не пойдёт. А если о... Глупо и неинтересно! А может, о... Нет, даже думать противно. Или...

Иногда – бросал смущённые взгляды на Дашины ноги.
Тут случилось страшное. Ваня – так сказать – высморкался.
Даша сделала вид, что не заметила.

– Это клён? – спросила она.

– По-моему, каштан.

– У каштанов же листья другие. У нас в Ново-Переделкино растут.

– Переделкино? Там все попадают в переделки?

И хотя острота была углом градусов в сто семьдесят – Даша долго хихикала, скоро-скоро стуча себя по коленке.

Спустились в овраг – там прудик хороший. Или речка? А! Это Москва-река, да. Закат в смущении краснеет, по листику усталая гусеничка ползёт, яблони уже подмигивают плодами – осенёет.

– А по-моему, лучше, когда не понимают совсем, чем когда понимают чуть-чуть. В этом правды больше, – болтал Ваня.

– Ты неправ! Ты... Ты... Ты максималист! – Даша на месте даже стала от львиного своего возмущения. – И... И мальчишка!

– Ну да. Или навсегда, или никак, – Ваня тоже остановился.

– Но это же глупо!

– Ну да. Глупо. – Тут Ваня громко э-э-э... Ну-у-у-у... Неловко сказать даже!.. Тут Ваня громко – хе-хе-с!.. Ну, как сказать... Если можно так выразиться... Ну, который вот тот самый... Э-да... Вот. Такие пироги.

Короче – он громко харкнул.

– Не плюйся! – Даша взвилась и засопела.

– Почему?

– Ну зачем тебе плевать? А мне потом эти харчки обходить!

– Ты здесь часто бываешь?

– Я не про твои, а вообще!

– Ладно, прости.

Ваня заметил кошку с пойманным воробушком в зубах. Всё. Убежала. Только хвост и видел.

– Я с двенадцати лет плююсь, – оправдывался Ваня, когда они двинулись дальше. – Мне не кажется, что это так ужасно.

– Тогда не плюйся хотя бы при мне.

– Хорошо, не буду, – соврал Ваня.

Неудобно изогнувшись на ходу, он заглянул ей в глаза: два блюдечка, налитых зеленоватой водичкой. Зачем-то он спросил:

– А ты правда считаешь, что объективно прекрасных вещей нет?

– Конечно, нет! – фыркнула Даша. – Это всё вкус. Нравится – не нравится. А объективность – выдумка сплошная.

– Но она же есть.

– Чем докажешь?

– Ничем... Просто есть она, и всё. – Ваня стушевался и обиделся на себя. Или наоборот... Или вот так... А впрочем...

Но не продолжали – уже о Достоевском болтали. Гуляли и болтали – не всё ли равно, о чём?

Хотя прогулка их, надо сказать, была скорее перебежками от скамейки к скамейке. Даша не очень любила ходить: вернее, она не умела гулять.

– Да вон там сядем! И нормалёк! – воскликнул Ваня, заприметив какой-то деревянный – для песка, что ли? – короб.

– Ты глупости говоришь! Сейчас мы найдём скамейку.

– Да нормально будет, чего ты? – Ваня уже плюхнулся на короб: он оказался со скатом, так что Ваня потихоньку съезжал.

– Пойдём-пойдём-пойдём-пойдём!

– Да ты попробуй хоть. Не понравится – сразу уйдём.

– Ладно. – Даша покорила. Её попа на секунду коснулась досок и тут же её хозяйка подскочила: – Мне не нравится, пойдём!

И увлекла Ваню своей ручкою.

Ещё ходили, ещё говорили. Вроде бы, к тому же коробу пришли. И к набережной. И к скамейке. И к набережной. Вечер спускался, волоча полы по земле. Даша укуталась в бирюзовую шаль и зябко потёрла плечико.

Ваня зачем-то собирался с духом: понятия не имею, зачем.

– Стой, – сказал он вдруг Даше.

Она остановилась. Ваня взял её за плечи и уставился как в зеркало.

Он прекрасно уже сознавал, что именно в Даше будет его бесить и что именно будет бесить её в нём. Он замечательно понимал, что нет на свете вещи, которая уберётся бы от гнилой осени. Он не обманывал себя надеждами, что когда-нибудь сомнения улетучатся. Он знал, что общих снов у них никогда-никогда не будет. Но всё-таки – сказал ей три дурацких слова.

Потому что влюблённые – это только два висельника, которые сплелись в объятиях.

Июнь 2018

Две половинки

Одиноко Дима грустил.

– Ты чего?

Грустил в темноте, откинув жаркое одеяло. Ночь вгрызалась в мысли и превращала их в бесформенные штуки, рассыпающиеся образы. Часы тикали насмешливо. Ася – с тонким лицом, как будто из досточек, недостроенным – внимательно смотрела в Димино ухо.

– Ничего, – ответил Дима.

– Ну ладно. Тогда давай спать. – Ася отвернулась.

Дима упёрся локтем в подушку и вглядывался в её затылок: пушок и выбившиеся из хвостика прядки были как-то особенно заманчивы.

Тоска прогоняла сон. И диван неудобный, со скатом (обычно соседка здесь спит, а вообще Ася на кухне живёт). Сейчас положит ей руку на талию, – а она сбросит. Они не спали, обнявшись как медведи, – слишком жарко. Смешно: называется «спать вместе», – а всё равно выходит врозь.

– Я грущу, оттого что единство недостижимо, – сказал он мучительным шёпотом.

– Вот дурачок! – Ася обернулась и поцеловала ему лоб. Сплетение взглядов... Ася поняла, что Дима серьёзно. – Так. Поясни.

Дима лёг и заложил руки за голову, выставив на обозрение подмышки:

– Чего все, по-твоему, хотят?

– Денег? – сказала Ася (а впрочем, неуверенно).

Дима хмыкнул в нос:

– Единства все хотят. Ну зачем, по-твоему, церкви, концерты и пьянство придумали? Единства ради. А его и у любящих, кажется, нет...

– Блин. Ну это просто второй этаж мысли! – сказала Ася довольно серьёзно. – А какого ты единства хочешь? Одинаковые мысли чтобы?

– Космического единства, рабства взаимного... Один дух, одно тело...

Тут Ася положила ему руку на живот: Дима боялся щекотки больше смерти, так что завизжал как девочка, – и второй этаж мысли обвалился. Дальше говорили о другом: о московской жаре, об Асиной сессии, о смешном консьерже, – но никак не о космическом единстве.

Беспокойный сон, дурная голова, солнце пятку печёт, – Дима проснулся. Он любил вставать раньше Аси и в женских тапочках выходить на балкон покурить, глядя, как Ломоносовский проспект убегает прочь, раскидывая по сторонам дома, парки и магазины...

Дима протянул руку к тумбочке и нашарил сигареты. Попытался встать, но заметил, что нога его не слушается. Странно: затекать должна бы рука, а не нога. Дима откинул одеяло, чтобы проинспектировать ногу.

Вы, должно быть, видели пачки «Оптимы» на тридцать сигарет? Та же дрянь – только больше. Так вот, откинув одеяло, Дима обнаружил, что они с Асей напоминают большую пачку «Оптимы». Одна рука – с сигаретными ожогами – его, другая – с красными когтями – её, одна нога – бесстыдно волосатая – его, другая – бритая, блестящая – её. Две шеи, четыре глаза. Известные органы – исчезли за ненадобностью. Только грудь одна болталась справа, – но у Аси они небольшие, так что можно и не считать.

– Ася!!! – заорал Дима в ужасе. Та проснулась, осмотрелась, зарыдала.

Их тело стало раза в полтора шире, чем полагается, а со стороны Аси даже вдавалось внутрь, оставляя за ней талию (впрочем, легче от этого не становилось). Поскольку каждый вполне владел только своей стороной, о любом мало-мальском движении им приходилось договариваться. На то, чтоб вылезти из кровати, понадобился добрый час. Когда решили пройтись по комнате, – Диме пришлось взять командование на себя: «Левой! Правой! Левой! Правой!»

Ася поначалу путала, но скоро Димася обвыклось и смогло передвигаться молча. Целоваться стало удобнее. Да и в целом – не так уж скверно было. Разве только...

– Мне же в универ надо! – Ася спохватилась. – Да и тебе тоже...

– Давай так: сначала к тебе на пары заскочим, а потом ко мне.

Возникал вопрос гардероба.

– Мы в мои вещи не войдём, – Ася ныла. – Смотри, как нас раздуло!

– Зато мы теперь как пара плакучих ив. – Он чмокнул её.

К счастью, Асина соседка (в это время предававшаяся кутежу) была ни худая, ни полная, а попросту жирная. Кроме того – со вручения диплома у неё оставалась весьма удобная мантия синего цвета. Исполинская юбка, колоссальная футболка, голиафская мантия – и ничего, сносно.

Сборы-сборы-сборы. Пока Ася пудрилась, Дима чихал. Добрались, наконец, до ботинок. Дима уже полез своей ногой в зелёную кроссовку...

– Синий с зелёным не сочетается, – заметила Ася.

– Но моего-то размера всё равно нет.

– Ну-ну. – Ася вытащила из-под трюмо такую же точно кроссовку, но коричневую. Дима заподозрил её в неверности, но промолчал.

– Это брата, – пояснила она.

Что врать придётся – об этом Ася догадывалась, но не думала она, что врать придётся именно охраннику в универе (консьержа и метро удачно миновали). Тот был въедлив и любопытен. Пропуск Диме, конечно, выписал (паспорт у него всегда с собой – пиво же надо как-то покупать), но поглядывал эдак с хитринкой. Ася сказала, что Дима – он по обмену, из Беларуси приехал. Хитринка никуда не делась. Ася сказала, что Дима профессор из Сорбонны. Хитринка протёрла очки и раскрыла глазки пошире. Ася фыркнула и потащила Диму вперёд. Охранник смотрел вслед и улыбался: вот, дескать, какой интернационал!

Вообще же, нужды в конспирации, кажется, не было. Лекторам – плевать, студентам – похрену, ну а студенткам – мало разницы, о чём именно судачить (сплетня лепится не из фактов, а из каприза). Своей репутацией Ася не шибко дорожила: в институте она была как бы чужачка. Из друзей у неё был только Вовчик, – да и тот с насморком.

Слушали (вернее, не слушали) лекцию про дуализм и что-то там. Пока Ася, раскрыв рот, безотрывно глядела на лектора (есть у неё страстишка к мужчинам за сорок), Дима перемигивался с рыжеволосой вертихвосткой за соседней партой.

Ещё одну пару отмотав, направились к Диме в институт. У него было уютно и болтливо: все по десять раз спросили, откуда такая мантия и что это за симпатичная башка справа от него.

– Невеста, невеста, – отвечал он всем. Ася чувствовала себя красной.

Лекция была интересная, хотя и чёрт знает, о чём, – даже Ася вслушивалась. Хотя обидно! Дима ведь правша, – а этой-то руки странным стечением обстоятельств был лишён. Ася предложила самой вести конспект, но Дима её почерка не понимал, так что корячился с левой.

Кончились пары, пошёл дождь, разошлись студенты, заплясала сигарета в Диминых устах.

Ася ручкой разгоняла дым перед собою, когда Диме позвонили.

– В «Дед-декаданс»? Буду через полчаса, – сказал Дима в трубку.

– Какой ещё «Декаданс»? – нахмурилась Ася.

– Да дружбан мой, Юлик. Мы пива выпить сегодня договаривались.

– Мне вообще-то к сессии готовиться надо. – Ася приподняла брови со значением.

– У тебя ж с собой конспекты? Мы тихонечко, мы не помешаем.

«Декаданс», как и всегда, был шумный, душный и весёлый. Ася, поджав губы в сдерживаемом гневе, бездумно переворачивала страницы, а Дима с Юликом несли какой-то вздор про общих знакомых.

– Я рад, что вы вместе, – сказал Юлик, подпёрший лицо кулаком

– Спасибо, – сказал Дима, повернул голову и поцеловал Асю в щёчку.

– Вы прям не разлей вода! – сказал Юлик, плясь на Асю.

Она вздохнула:

– Приходится...

По правде сказать, Юлик уже давно никого за ручку не держал – не ладилось как-то. А вот Асю он бы охотно подержал!.. Отбивать девушек у друзей ему ещё не доводилось... Но и это его не смущало!

– А ты где учишься? – обратился Юлик к ней.

– В МПГУ.

– Ух ты! – сказал Юлик (хотя чхать он хотел на МПГУ; ночные грузчики на многое предпочитают чхать).

– Ты Мариенгофа-то дочитал? – ввернул Дима как бы невзначай.

– Да, давно. Скоро верну. – Юлик опять обратился к Асе. – А как ты относишься к Мариенгофу?

Ася намекнула, что ей бы готовиться, а не о каких-то марингах и голгофах трепаться, а потом заявила:

– Мне надо в дамскую комнату.

– Мне тоже, – поспешил сказать Дима. Глядя, как Ася истово бросает вещи в сумку, Дима решил, что не видать ему Юлика как своей правой руки: он кивнул ему на прощание и бросил на стол пятьсот рублей. А Юлик рад был: Димино пиво только триста пятьдесят стоило.

Ветер трепал мантию, и любопытный проходимец мог заметить, что физиология Димы с Асей изрядно хитра! Но проходимцев не было – был мокрый бульвар и мамочки с колясками. Вечер, фонари: пыльные гирлянды зажигаются. Москва пьянила и раздавала надежды. Ну а Дима с Асей угрюмо шли к метро.

Со стороны могло показаться, что они выясняют отношения.

– Он ко мне клеился!

– Тебе показалось.

– Нет, не показалось!

– Слушай, давай не будем ссориться?

– Я не ссорюсь!

Они встали на светофоре.

– А жить где будем теперь? – Дима, вероятно, предпочитал увильнуть с неудобной темы. В конце концов, это просто приятно, когда на твою даму заглядываются.

– Ну уж точно не у тебя! – Асе, кажется, не очень нравилось, что Дима её даже не ревнует.

– Почему? – Должно быть, Дима считал, что к Юлику даже и ревновать смешно. Он же идиот.

– Я ненавижу собак. – Скорее всего, Ася считала, что уж мог бы и приревновать – хотя бы понарошку.

– Мне что – их усыпить надо? – Не исключено, что Дима был за то чтобы изъясняться без обиняков.

– Да. – По всей вероятности, Ася считала, что Дима врёт.

Загорелся зелёный. Ноги Димасы устремились к белым полоскам.

– Я выгулять-то и покормить их могу? – Надо полагать, Дима решил, что уж в следующий-то раз он точно Асю к кому-нибудь приревнует.

– Завтра. – Может статься, Ася решила отложить этот разговор на другой раз: всё равно этот Дима туп как пробка.

На самом же деле – оба думали о сушках.

Метро оказалось самым приятным впечатлением за день – у каждого были свои наушники и своя музыка. Дима виновато поглядывал на Асю, а та – напустила холодности (и украдкой следила за Димиными взглядами).

Вышли в «Новых Черёмушках». Весна разгулялась: воняло цветами.

– А я летом в Астрахань к маме поехать хотела... – проговорила Ася печально: не знакомить же их теперь, в самом-то деле?

– А я в Питер к друзьям... – Дима ухмыльнулся. – А поехали в Екат?

– Почему Екат? У тебя там кто-то есть?

– Никого. А у тебя?

– Тоже.

– Значит, поехали.

Дома пришлось ужин готовить (днём ещё как-то перебивались в столовке). Дима хотел сосиски, а Ася – шпинат. Сошлись на макаронах. Варили-варили, варили... И вот – макароны слиплись в ситечке...

– Ты что делаешь? – спросила Ася, заметив, как Димина рука тянется к холодильнику.

– Надо сливочное масло подтопить и на него макароны. Так вкуснее.

– Какое ещё сливочное масло? Я не хочу разжиреть!

– Я тебе говорю: у меня мама всегда так делала.

Ася воткнула свою руку в свой бок:

– Почему я всегда должна всё делать по-твоему? Почему только я приношу постоянные жертвы??

– А по-моему, мы всегда всё делаем по-твоему!

– Ах так! – Ася демонстративно отвернулась, но уйти в другую комнату не смогла. И всё равно изыскала средство: вся обмякла и повалилась. Дима – вслед за ней.

– Дура дурацкая, – Дима хлопал её по щекам. – Хорошо, давай по-твоему. Но после ужина сразу спать, хорошо?

Легли кое-как, но и тут всё не слава Богу. Дима на животе обычно спал, а Ася на спине. Пытались на боку, но снизу Асе тяжело, а сверху неловко. Долго ещё огрызались, переругивались и целовались. Уснули.

И вот лежит Ася, слушает Димин храп, слушает – и чувствует: одеяло подымается. Оглядывается резко, – а Дима нож над ней занёс. И над собой тоже. Одним словом – между.

– У-бий-ца, – проговорила она с презрением.

Дима отбросил нож, – он глухо стукнулся об пол и даже не лязгнул.

– А как ещё? Мне нужно личное пространство. Тебе, кстати, тоже. Мы не можем вместе – ты же видишь!

– Прекрасно вижу. – Ася своим взглядом словно бы хотела сказать ему что-то ещё. Дима это заметил и сказал ей то же самое, но словами:

– Ты меня достала! Я... я... я ненавижу тебя!

– Ах так!

Ася вlepила ему пощёчину. Дима ответил тем же. Ася зажала ему нос фиггой, Дима тоже. Ася стала его щекотать, – и огромное неповоротливое их тело резко навалилось на край хлипкого и дряхлого дивана, и все они – Ася, Дима, диван – с мучительным грохотом перевернулись.

Дима ржал придавлено. И вдруг, сквозь смех, он видит на полу два ножа: нос к носу лежат – друг на дружку смотрят и дышат злобно.

– Ты, Асечка, тоже убийца, получается! – продолжил хохотать он, не намереваясь вставать с живота.

Вдруг. Ключ в двери. Поворот. Шаг. Пакет опустился на пол.

Ася прошептала с ужасом:

– Соседка!

Эта несметных размеров бабища приближалась ужасно. Дима с Асей предпочли затаиться. Шаги близились: казалось, что умственно отсталый гигант решил поиграть в мяч и кидает его в одну точку. Соседка могучим движением откинула диван и увидела...

Тут Дима с Асей решили, что лежать к ней задом как-то неприлично, и – всё кряхтя, матерясь – перевернулись. Сели.

– Прости, – проговорила Ася, и только. Дима старался смотреть на потолок, а не на соседкин десятерной подбородок.

– Вы что – в первый раз, что ли? – добродушно бросила соседка и рассмеялась. – Ща! Устроим всё. Только валерьянку надо.

Соседка заставила их выпить кастрюлю валерьяны, дождалась, пока Дима с Асей уснут, и только тогда пошла на пудовых своих цыпочках к шкафу, достала из ящика ржавую, выдавшую виды пилу, и...

Думаю, я не совру, если скажу, что Николай Пирогов подивился бы таланту милой нашей соседки. В анатомии я не разбираюсь, так что навряд ли сумею объяснить, каким образом операция проходила и как такое вообще возможно. Но чудо задалось. Дима с Асей снова оказались двумя разными людьми: по две руки, по две ноги.

Читатель спросит: почему их делить вообще пришлось? Соседка говорит, диван такими свойствами знаменит... Но что-то я не верю ей. В пилу и золотые руки – верю, но вот чтобы в диван...

Дима, как перестал быть человеком половинчатым, тут же был таков. Добрый час он бегал по улицам и орал. Вернулся домой, бухнулся в кровать, – лицом вниз, распластавшись, как морская звезда.

Проснулся Дима от Асиного звонка. Она подышала в трубку и сказала, что соскучилась. Дима почесал пятку и решил не врать:

– Я тоже.

И тут же вспомнил, что у Асиной соседки одна рука была как-то волосатее другой.

Июль 2018

Писательский роман

А если б не бульварная скамейка на Тверском – никогда бы они и не познакомились! Ксюша и Коля. Да.

Осень была уже такая мозглая, такая скверная и такая бестолковая, что оставалось только глубже залезать в воротник. И всё равно: Коля сидел на этой мокрющей скамейке, курил и читал что-то там. Ксюша сидела рядышком, попивала кофе, да строчила в блокноте, изредка отвлекаясь на птичек.

Коля в очередной раз хихикнул идиотически.

Ксюша сказала строго:

– Можно, пожалуйста, сигарету?

– Бери. Чай, не последняя.

Коля посмотрел на неё, а Ксюша на него. Один – в пальто, весь расхристанный. Другая – в джинсовке, очевидно, мёрзнет. Колин взгляд как бы ощупывал. Ксюшин взгляд как бы оценивал.

«Писатель», – подумала Ксюша, принимая сигарету.

«Писательница», – подумал Коля, закуривая новую.

– А что сидишь тут? Холодно же, – поддержал из приличия разговор Коля, но так неуклюже, что тот чуть не упал.

С улыбочкой затянувшись, Ксюша ответила:

– Гуляю. Люблю гулять.

«По ходу, из корректоров», – подумал Коля разочарованно.

«Видимо, журналист», – подумала Ксюша, огорчась.

Но молодые писатели торопились с выводами, что и стало известно из последовавшей прогулки. А погуляли они – весьма-весьма.

– Вышлешь мне что-нибудь? – спросила Ксюша на прощание.

– Только если вышлешь ты.

Так они стали друг другу читателями.

Ксюшин рассказ был про маркизу де Хомячиху, путешествовавшую из Марокко в Андалусию. Вокруг неё весь рассказ вился какой-то погонщик мулов и всячески подмигивал. Хомячиха же была в ненастных настроениях: недавно она пережила вероломный адюльтер со стороны своего многоуважаемого мужа и бежала от него к матушке, в надежде обрести там покой, пироги и немного свежего воздуха. И вот этот погонщик мулов ей вдруг возьми – да и приглянись. Маркиза долго размышляла, как ей быть с этим нежеланным чувством: ведь погонщик был славный, образованный, недурной внешности парень, а погонщиком оказался исключительно по немилосердной воле обстоятельств... Словом, не было ни одной причины, чтобы маркиза де Хомячиха не призналась в своих чувствах погонщику мулов. А тот в ужасе раскрыл рот и ускакал, по случайности угнав заодно и всю упряжку. И осталась Хомячиха где-то в пустыне, у незапряжённой кареты, не доехавши даже до Гибралтара...

Колин рассказ был про Гоху из села где-то на западе России, где из достопримечательностей только говно и мухи. Притом, про мух это уже лет десять как неправда, – они там все повымерли с тоски. Да и говно имело вид человека крайне недовольного своим положением. Словом, жил там Гоха, спивался, понимаете ли, а тут – к ним приехала студентка-фольклористка. Несколько дней она ходила по селу, покоряя сердца бабушек одно за другим, но прежде их всех она покорила, конечно же, сердце Гохи. Тот влюбился по уши и стал кумекать, как бы это фольклористке заявить пофольклорнее. Решил прокатить её на тракторе, – да вот беда, единственный на село трактор успели разобрать на металлолом (всё равно никто ничего не делает,

кроме самогона). Метался Гоха по окрестностям в поисках трактора, метался, – а фольклористка тем временем спокойненько себе уехала, так ничего и не узнав.

– Ну, как тебе? – спрашивала Ксюша при следующей встрече. Они гуляли по набережной Москвы-реки и дрожали от ветра.

– Ладно пишешь. Но концовка предсказуемая слишком.

– Да у тебя тоже так себе! – в шутку (на самом деле, нет) обиделась Ксюша. Они ещё подрожали на холоде и пошли на бесплатный поэтический вечер, где слушали отменно скверную поэзию.

В следующем рассказе Ксюши воинственное племя инопланетянок нападало на Землю, крушило мировые столицы, жгло леса и всевозможно развлекалось. Женщин они ссылали в колонию на другом конце галактики (инопланетные носки вязать), а мужчин медленно и со вкусом свеживали (всеми возможными своими инопланетными приспособлениями). И – вдруг! – они обнаружили среди мужского населения планеты одного из своих. У них когда-то тоже были мужчины, да только все погибли, добывая для них мамонтовую кость... Конечно, инопланетянки на него набросились с предложениями улететь домой, где тот непременно стал бы царём, где у того непременно был бы гарем. А он избрал себе только одну, которую любил ещё с детского сада, и остался с ней на опустевшей Земле – медленно и блаженно умирать...

У Коли следующий рассказ оказался историческим. Действие происходило в том же селе, что и в прошлом его опусе, но только во времена царствования Романовых, когда и говно было поприветливей, и мухи как-то поопрятней. В те годы имение принадлежало дворянскому роду Горюхиных – пьяницы жуткие, все, все до единого: от видавшего ещё Французскую революцию деда до десятилетнего Алёшеньки. И имелись у них лакеи – он и она: обоим лет под шестьдесят, сердцами дряхлые, даже о существовании друг друга не сразу вспоминали. И вот когда в этом плодовитом роду появился на свет очередной сын и сразу, только выйдя из утробы матери, потянулся к рюмке, – эти лакеи воскликнули: «Осанна!». И посмотрели друг на друга совсем другими глазами. Тогда-то любовь вся и вскрылась. Они поженились и, как ни странно, не умерли по сей день. Живут где-то в Питере, трамвай на пару водят.

– Во! Этот рассказ у тебя зашибись вышел, – сказала Ксюша Коле при следующей встрече. Они сидели в «Макдональдсе». – Прошлый мутный был какой-то, а тут всё ясно и чистенько.

– Спасибо, твой тоже ничего. Но я всё не пойму, зачем ты про инопланетян каких-то и маркиз пишешь?..

– Хочу и пишу! – бросила Ксюша, весело дожёвывая булку.

Действие следующего рассказа Ксюши происходило в Санкт-Петербурге, параллельно с митингом Навального. Вернее, это была небольшая драма в пяти актах про любовь студента к студентке, которых, между тем, разъединяло различие вкусов, интересов и политических предпочтений. Всю пьесу студентка рвалась на митинг, а студент её останавливал, говоря, что ей там оторвут руки, голову и хвост (а студентка была мутантка и с хвостом, – водился за ней такой грешок). Стремительно бледнея, студентка отвечала, что ей так надо, ей так хочется, а уж коль скоро он её не хочет поддержать, то и к чёрту все эти их отношения! Студент, скрипя сердцем, пошёл с ней на митинг. А там ей действительно на хвост сначала наступили, потом за него схватили, а дальше уже и потащили – омоновцы в добродушно-чёрных шлемах, обмотанных чего-то ради пищевой плёнкой. И в самый-то решающий момент, когда надо было хватать омоновцев за глотки и отгрызать им уши, студент этот смешался с толпой и постыдно ретировался. И всё думал по пути домой: «Да и всё равно она – того... хвостатая!»

Коля тоже решил попробовать что-то новое для себя: его следующий рассказ проходил в Лондоне времён Петра Великого. Некто Джон Джонович, работник уголовного сыска – не чуждый поэзии и бутылки не противник, – шёл по берегу Темзы и поглядывал в воду, надеясь увидеть очередной труп. Дело было тёмное, в городе завёлся очередной маньяк: Джон Джо-

нович когда-то вёл их учёт, но скоро это дело забросил: слишком много, слишком бессистемно. Хотя, идя вдоль Темзы, думал он вовсе не о трупах, а о своей любимой и чудесной Марии. Как всё ведь начиналось! – любовь, неловкие признания, первый поцелуй... А теперь – всё как-то тускнеет, и притом поразительно быстро. Расспросы о работе, недоверие, укоры за его молчание – будто нельзя просто посидеть и помолчать на скамейке? Нет, видно, отношения – это не для него. Видно, люди всё-таки дрянь – или, скорее, дряннеют при ближнем знакомстве. Джон Джонович как будто начинал понимать этих маньяков и почти сочувствовал им. Но вот, когда он разглядел за лондонским туманом оторванную руку...

– Я думаю, нам надо писать роман вместе, – сказала Ксюша при следующей встрече.

Неожиданно потеплело, зима отступила, повсюду объявились лужи и ручьи, и даже деревья как будто заново решили пообрастать листьями. Ксюша с Колей бродили по Ваганьковскому кладбищу.

– Ты рассказ-то последний дочла? – спрашивал Коля как-то печально.

– Нет, не успела. По учёбе кучу всего задали. – Она пнула своей туфелькой шишку. – Так что – будешь писать со мной роман?

– Но зачем? – Коля говорил с улыбкой, но улыбка эта была какая-то висельническая. – Нешто романов на свете мало стало?

– Так! – Ксюша встала, скрестив руки на груди: строгая, как воспитательница в детском саду. – Это что за дезертирство?? Это из-за кладбища, да? А я-то, дура, не догадалась! Ну-ка, поехали ко мне. Прямо сейчас. Роман о-го-го будет!

– Да подожди ты! О чём роман хоть? – боролся Коля, но его уже тащили за руку.

Роман писали как: Ксюша напишет строчку, Коля побухтит, помычит, сотрёт эту строчку к дьяволу, напишет, посмотрит, – а получилась ровно та же самая строчка. Плана как такового у них не было, писали ночами, втихую друг друга ненавидя за бесконечные идеи и проклиная сессию. Но скоро Коля переехал к Ксюше, – и пошлó, пошлó!

Ну что сказать, роман вышел знатный. Главный герой – просто душка. В плаще философа, с конём чубарым... Правда, конь у него так – повыпендриваться. Главный герой этот – Агасфер.

Гулял себе, значит, Агасфер по Африке да Евразии, гулял, наслаждался одиночеством... И вот. Надоело ему каждые семьдесят лет ходить к стенам Иерусалима вымаливать прощение. Пошёл Агасфер наслаждаться благами цивилизации (XXI век на дворе как-никак).

Но нравы, которые он наблюдал, его разочаровывали. Не было уже ни королей, ни принцесс, ни виночерпиев, ни властителей дум. Только интернет голимый да менты.

Ходил он себе, горестный, ходил – и повстречал как-то раз филологиню. Влюбились они друг в друга за одну страницу. Филологиня сказала ещё: «Не смей в меня влюбляться, я анти-семитка!»

Далее следовали злключения Агасфера, которому пришлось прочитать всего Лотмана, Тынянова и Бахтина, а также защититься в степени доктора филологических наук, чтобы получить благословение от родителей филологини...

Что ж. Свадьба, тихое счастье. Но тут случается страшное – языки умирают. Вместо них появляется пара приложений в смартфонах, которые позволяют объясняться подмигиванием, считываемым камерой. Филологиня присматривает себе петлю. Агасфер, разумеется, пьёт.

Ведь и любовь у них – не как прежде. Какая-то пожелтевшая, с совсем ненужными суффиксами. И Агасфер уже не такой забияка. И филологиня уже не такая трогательная барышня. Чуют они, что не только остались последними носителями языка, но ещё и разлюбляют друг друга потихоньку... И чувства эти – с самого начала были придуманными...

Что делать? Агасфер готовит салат с ножом для своей любимой. Ему-то что – ему всё равно Второго пришествия ждать, а так любимую от мук освободит. И вот, подносит вилочку к своим шершавым губкам филологиня...

Но тут прилетают инопланетяне, забирают все смартфоны и языки возвращаются на прежнее место.

– По-моему, говно полное, – сказал Коля.

– По-моему, ты просто пессимист, – сказала Ксюша.

Она скоро стала продвигать роман во все возможные издательства. Ответа не было. Досадуя, они совсем забросили писательство. Коля научил Ксюшу пить...

И вдруг пришло письмо следующего содержания:

«Вот уже шесть месяцев мы с интересом, восторгом, восхищением, аплодисментами и исступлением читаем и перечитываем ваше письмо...»

– Лет через сорок и роман дочитают... – сказал Коля мрачно

– Прекрати паниковать!

А паниковать впрямь было не из-за чего. Почему? Да потому что я это письмо и написал. И я же их роман издал. И разошёлся он мо-мен-таль-но! Настоящая ведь литература, неподдельная. У меня-то глаз намётанный.

Правда, Коля с Ксюшей вот уже года три как не общаются. Понятия не имею, почему.

Сентябрь 2017

Ни тюрьмы

Нигде время так не бежит, как в России; в тюрьме, говорят, оно бежит ещё скорей.

Тургенев. Отцы и дети

Итак, да здравствует подполье! Я хоть и сказал, что завидую нормальному человеку до последней желчи, но на таких условиях, в каких я вижу его, не хочу им быть (хотя всё-таки не перестану ему завидовать). Нет, нет, подполье во всяком случае выгоднее!..

Достоевский. Записки из подполья

Заводик времени

Эвакуировать заводы и всякие важнючие учреждения начали в сорок первом. Много эвакуировали: целыми скопами. Но не всё можно было ухватить с собой – не влезали в подмышку. Вот и про этот заводик забыли, и он сиротливо ждал своей очереди. А заводик – не хуже, чем остальные. Тоже с доской почёта. Тоже с пятилетками. Заводик времени.

Ленивое, с большими подбородками, руководство поначалу пыталось делать вид, что никакой заминки не было и быть не может. Что верно бегают стрелки, верно течёт песок, верно машут весёлыми и устремлёнными вперёд носами работницы. И никакого такого заводика – да к тому же ещё и ВРЕМЕНИ – забыть они ну никак не могли.

А всё-таки пришлось отчитываться. Да. Чуть не сдали стратегический объект немцам. Да. Дураки, оплошали. Но ведь в последний-то момент вывезли! И куда? На Крайний Север! В сам Аэрославль! Уж там-то его точно не достанут!

Славное место этот Аэрославль: болота, аэродром и несколько жилых домов с приставленным к ним магазином (чтобы не скучно было).

Но есть кое-что поважнее расположения города: жители. Заводик-то пусть маленький, да удаленький: и работники ему тоже нужны!

(Конечно, можно было бы поспорить. Быть может, стоило бы задуматься, закручинится, зарыдать, взяться скрести ножкой... Но не нашей женщине беседы с советским руководством вести.)

Был там, к примеру, токарь один: Ванька. Лицом весь – ну размечтавшийся медведь. Ну как такой на заводе времени может пригодиться? А запросто. Попилит досок – и всё там.

Или бабка повивальная – Серафима. Тоже ведь ненужная совершенно в хозяйстве вещь! А всё же деток повивает. И ничего, выходит сносно.

Но это всё частности, сусальные разнузданности: подмигивания, распрыгивания, улыбочки. А ведь хотят все сути. Хотят знать: как этот твой заводик времени – функционирует?

Ну что, я отвечу. Достаточно незатейливо наш производитель такого важного ресурса – времени-то! – устроен. Десять дизельных двигателей, одна небольшая ГЭС, восемьдесят тысяч переплетённых проводков (закороченных, замотанных, разболтанных), немножко вухухолей и пара светодиодов по вкусу. Собирается за один присест – если сборщик опытный, конечно.

Перевезли, собрали. И снова – время дышит. Время – производится! И в хвоях тайгистых так широко и улыбисто дышится жителям Аэрославля. А если шагнуть за корабельные сосны – так и вообще всем. Ведь хорошо живётся! Ведь заводик времени – функ-ци-о-ни-ру-ет.

Вот, тянется пелёнка, стелется просторно. Уже и не пелёнка, а Средняя Азия получается. И что в ней? Там уже Тамерлан подрастает.

Хлопнул дневником по столу: как надоело, когда это закончится! Считаешь классы. А уж не школьный дневник, а военный билет получается.

Едут в электричке – в тридевятое царство, в тридесятое государство: только гитару из чехла достали, – а уже обратно приехали.

Стоит в больнице, ждёт когда скажут, что с мамой. Сказали пять минут – оказалось, пять вечностей.

Оставили дома, одного. Как долго ждать! А ему и попадись закучерявая книжца. Прочёл, сделался старцем, да и помирает уж от седин. А бывает, чувство влетит звоном и дребезгом хреново настроенной электрогитары: вместе – секунда; врозь – два года. Как. Уже? Пока. Пока. Зубы мудрости рвут, память протирает штаны, руки – расстаются.

Отрастают зубы, памяти дарят удобные джинсы, руки – видятся опять.

Вот так и работает этот несчастный и всеми забытый заводик. Время своё производит и мордливо смотрит всем вслед. Но чтобы понимать его простенький, похожий на живого поросянка, механизм – нужно уметь хотя бы раз заплакать.

Декабрь 2016

Будни Аэрославля

Солнце над Аэрославлем старенькое, с одышкой, – сорок дней встаёт оно. Зато как ребята ему радуются! И вот: лето. Если б кому из столичных показали такое лето – носов их больше не видали бы в тех краях. Аэрославчане и не показывали. Стыдно им немножко было.

И жила там чета Красномосковских: Игорюшка и Зочка. Квартиру в панельном одноэтажном доме им выделили лет десять как, – но в Аэрославле они ещё не до конца притёрлись, и на них смотрели, как на деревенщин. Умильно смотрели: будто хотели рассказать таблицу умножения, но боялись нечаянно обидеть.

Приехали сюда Игорюшка и Зочка из ещё более глухой провинции – деревеньки с живописным названием «Домá».

Зочка носила модный пуховик, за бешеные деньги купленный в Новосибирске, а в нагрудном кармашке прятала платок, которым утирала иногда свой трогательный носик. Глаза у неё лучились благодушием, хотя она вообще-то не пила. Вернее, пила, но только один раз в жизни, на выпускном. Когда вернулась домой, она раз сорок у матери спросила:

– Мам, а я красивая?

В другое время из Зочки могла бы выйти замечательная революционерка-демократка. Но нет – это была просто умная и прозорливая женщина, ведшая торговлю на рынке. В разное время продавала колготки, шахматы или пирожки – в зависимости от настроения.

Её муж, с нею неразлучный с седьмого класса, был нордически суровый мужчина. Ростом с осину, с очень понятным носом и лбом. На все новости и события он предпочитал хмыкать. Могло даже показаться, что его ничем не пронять... Но если тронуть нужные струнки, если заговорить с ним о Чехове, – усы его трепетали от удовольствия. (Он очень любил представляться неудачливым драматургом.)

За годы в Аэрославле он сделал нехилую карьеру – от шахтёра до водителя в местной типографии, пробавлявшейся только за счёт госзаказов. (Обычно заказывали листовки и календари для Аэрославского аэродрома.)

И вот – лето шло. Снег подтаивал, где-то осмеливались показаться ручейки, травинки то подымались, то прятались осторожно. Во дворе ребята лабали на гитаре и играли в волейбол (они в него игравали и зимой, но летом приятней всё-таки). Единственная, кажется, случайно залетевшая, синица оглашала песнопениями весь Аэрославль.

Это был пятнадцатый день дня. И как приятно, придя с работы, развалиться на креслишке, включить радио и распахнуть газетку о двух листах. «Как самый настоящий взрослый дядька», – думал Игорюшка.

В нагрудном кармане рубашки у него лежала котлета и грела душу.

Обмотанная шалью, как шарфом, явилась жена. В руках у неё был огромный ящик. Зочка вообще обходительна и тонка, но голос у неё развязный и наглый, как у завязтой торговки:

– Ишка! Глянь, чего я притащила!

Не убирая газеты, Игорюшка посмотрел на Зочку, выставил подбородок и хмыкнул. У него было замечательное свойство: Игорюшка умел молчать так, что всем казалось, будто он уже знает всё, – так что собеседнику приходилось бросать всё и оправдываться.

Но не жене.

– Чего молчишь нерадостно? – сказала она.

– Но я же не знаю, что ты притащила. – Игорюшка неохотно встал из кресел и взял ящик. – Хм. Это ж сколько ж там весу? – прокряхтел он.

– Кило сорок. Но ты ничего, Ишка. Сейчас заживём!

Игорюшка притащил фомку и попытался вскрыть ящик. Не очень-то у него получилось. Тогда он сходил в дровяник и пришёл уже с топором. Замахнулся чудовищно – и – раз!

Брызнуло красным. Благодушие ушло с лица Зоечки куда-то погулять. Она стала бранить мужнино нетерпение и протирать тряпочкой красное.

– Ты где вина столько надыбала? – Игорюшка почесал лоб обухом.

– Ты вскрой по-человечески, а потом спрашивай! – отрезала Зоечка.

Кое-как поддев уголок прорубленной доски, Игорюшка оторвал её и увидел какие-то красные диковинные шары с пимпочками. Они жались друг к другу тесно и выглядели очень дружно.

– Что за дьявол? – спросил он в тревоге, отыскал взглядом образок в углу и набожно перекрестился.

Зоечка рассмеялась:

– Дурачок! Это гранаты.

– Не мути мне мозг, женщина. Гранаты взорвались бы давно.

Игорюшка получил подзатыльник от Зоечки. Скрестив руки на груди, она стояла в свитере до колен и полыхала розовым. Виногато, он чмокнул её в щёчку и, для компании скрестив руки, опять принялся смутно разглядывать дивные красные штуковины.

– Фрукт это. Южный, – пояснила Зоечка. – С самого Узбекистана везли. Символ верности, между прочим.

– Хм. Да как его есть-то, если он деревянный какой-то? – Игорюшка мял в руках этот странный фрукт и даже попробовал надкусить.

– Да не так же, горе ты моё луковое!

Зоечка надрезала гранат, выудила ягоду и положила ему в рот.

– Хм... Хм... Хм... Похоже на лимон и... – Не раскрывая глаз, он подбирал слово. – Помидор, что ли?

– Точно! На помидор!

Гранатные ягодки они брали по одной, а косточки блаженно сплёвывали в миску. За таким неожиданным ужином Игорюшка и спросил:

– А зачем нам столько этой прелести?

– Продавать. Скоро Новый год же – вот и будет новенький товар.

Дело в том, что Новый год в Аэрославле праздновали первого сентября (у аэрославчан вообще много причуд).

– Ну зачем ты напомнила? – Игорюшка весь скривился и накрыл лицо ладонью. – Опять открывать форточки, чтобы новый год вошёл, а старый вышел... Опять жечь старые газеты... Опять ёлку перевёрнутую ставить...

– Не дидюкничай. Продадим гранатов – на праздники поедем куда-нибудь. На Новую Землю или в Мурманск.

– Хм. Тогда уж лучше в Копенгаген, – мечтал Игорюшка, забывая про котлету в кармане.

На следующий день Игорюшка подбросил Зоечку на рынок и отправился по своим делам. График известный: вози этих-то, води то-то, кушай иван-чай с такими-то. Зоечка тем временем бойко продвигала новый продукт. Это было непросто. Самый ходовой товар в Аэрославле – спирт. Ну и на верёвки с мылом в некоторые сезоны спрос возрастает. А тут – нате! Гранат какой-то. И даже взорвать нельзя. Ерунда какая-то! Нет-нет, мы лучше к следующему лотку пойдём...

Зоечка обижалась и дулась. И опять тащила ящик домой.

Придумать они много что пытались. Вынимали ягодки и продавали их в стаканчиках. Отжимали сок и делали из него разные соусы. Да что уж там: настойку гранатовую даже выучились гнать.

Не-а. Народ в Аэрославле – слишком консервативен.

Потратилась на эту посылку Зюечка прилично, а кушать стало почти совсем нечего. И Новый год уже на макушки-то наступал, по плечам стучал – подгонял!

Чуда, вопреки суевериям, не случилось. Гранаты не брали, и ящик так и остался лежать в куту мёртвым грузом.

Благо, что добрые соседи, зная о бедстве семьи Красномосковских, наготовили еды и запросились в гости (здесь обычно напрашиваются в гости, а не приглашают). Получилось шумное и весёлое застолье. Некоторых гостей даже удалось угостить гранатовым соком...

И вдруг, за час до священного открывания форточек, появилась замечательная мысль. На уродливую и зло сыпавшую иглами перевёрнутую ель понаставили и понавесили гранатов: гости тоже участвовали. Хохотали, пихались и мешались. Потом – встали полукругом и загляделись.

– Так, пооди, и выглядит гранатовое дерево в твоём Узбекистане, – сказал Игорюшка. Его усы – радостно приплясывали.

– Наверное, – отвечала Зюечка понежнеевшим голосом. Она потянулась к платку, не обнаружив его и так и оставила руку на груди.

– А хороши! – заметил кто-то из гостей.

Все они молча смотрели, как гранаты подпрыгивают на качающихся веточках и переливаются своими розовыми бочками.

Так в Аэрославле появилась новая традиция.

Декабрь 2016

Часовичок

Когда мне рассказали про село Загоново, – я взял гитару, пошёл в переход, заработал сколько-то денег и тут же отправился.

Загоново это расположилось на полпути из Москвы в Волгоград – вроде как за Борисоглебском. От полустанка ещё порядочно километров пришлось ехать на телеге, – добродушный мужик из соседней деревни согласился меня подвезти. Три часа тряски, живописные колдобины, невероятная грязь; иногда приходилось слезать и толкать воз. Вот. Приехали. А мужик помахал – и двинул. Ему дальше.

Тоскливые просторы. Дома со скошенными гримасами, заборы, заросшие бурьяном, захудалые деревца, речка бурчит в сторонке. По просёлочной дороге плетётся дохлый пёс: он пытается пообедать палкой.

Церковь есть, но как будто пережила бомбардировку. Даже завзятый атеист возмутился бы: ну нельзя так бесчеловечно обращаться с досками – вы бы их сожгли, что ли? Крыша состоит из дыр. Заглядывать страшно.

Я шатался в поисках сельпо, чтобы купить сигарет. Но не было здесь даже колодца.

Решил постучаться к кому-нибудь. Под предлогом жажды зайти в гости, а там ловкими вопросами выведать, что за горе такое посетило село Загоново, что тут никто ничего не делает? Постучался – не открыли.

Раз, два. На третий – дверь удосужилась распахнуться, и я увидел запущенную женщину, выраженную в обносках.

– У вас случилось что? – поинтересовался я. Ответили хлопком двери. Мой нос был опасно близок. Я ещё побродил и уселся у чьего-то забора.

Тогда я заметил паренька лет пятнадцати: в рубаше и комбинезоне, – хотя ему пошли бы свободные от предрассудков моды сельские штаны. На боку его болталась сумка; он насвистывал затейливую мелодийку.

– А! Гости? Ну-ну. – Он заметил меня и остановился. Не отвернулся, не продолжил путь, а подошёл ко мне и представился: – Володя, часовичок.

Приложил правую ладошку к груди, поклонился да и подсел ко мне.

Моя вытянутая навстречу рука так и осталась висеть в воздухе.

– Вы здесь работаете? – спросил я.

– Так-то, я один тут работаю. Хожу по селу, часы завожу. Они тут всё старые, напольные, только я механизму знаю. Нашим-то не до того! Тоска у них! – Володя сильно жестикулировал: то рукой махнёт, то ладонью по лицу проведёт, то затылок почешет.

– А в чём дело? Случилось что? Или сами по себе затосковали?

– Сами всё, сами!.. Хе-хе. Вот, видишь: на ровном же месте село?

Я бросил взгляд в сторону холмов. Если их не считать...

– Ну да.

– Так отчего б на ровном месте не взгрустнуть? – Он захохотал.

– Послушайте, но должна причина быть-то! А то похоже, что они из пальца тоску высасывают.

– Тёмный ты. Натуральная тоска, она всегда из пальца, а не из напасти.

Он предложил пройти с ним и помочь с часами в паре домов – заодно погляжу, как дело обстоит. Я кивнул. Мы зашагали по вязкой дороге.

В первом доме – грустный мужик сидел за столом: макал перо в чернильницу и писал. Нас не заметил. Возились мы с Володей долго (я светил фонариком и подавал инструменты), но мне понравилось.

Уходя, я не сдержался и обратился к мужику:

– А как вас зовут?

– Сократ, – буркнул он, не отрываясь от своих бумажек.

Я протянул ему руку, но Сократ даже не поглядел в мою сторону.

– А чем вы, собственно, заняты? – спросил я.

– Записи пишу, – продолжал он неразборчиво водить карандашом по бумаге. Кресло бежевое, драное, будто с помойки. Сам грузный и седой. Походил он на опустившегося купца. Или на медведя?

– О чём? – Я не выходил из проёма.

– О сельской жизни.

Повисла пауза: я думал, как бы половчей её поймать.

– Слушай, кончай расспросы, – сказал Володя и поволок меня вон.

В тот же день – ещё до пяти часов – мы посетили также повитуху, доктора и мясника. Они были даже унылее Сократа. Ни с кем разговориться не удалось – разве с повитухой немного. Она была беременная и пила. Пока мы возились – успела штоф водки прикончить.

– Ладно себя, но ребёнка-то за что?.. – спросил я.

– А чаво? Я теперь за двоих пью, – ответила она.

Мясник – ходил по своему срубу и перекладывал какие-то предметы: иногда отдыхал на диване, затем вставал и продолжал. Доктор – лежал в постели и выплёвывал в потолок разные картины.

Мы оставили их тосковать.

– А питаются они чем? – спросил я, пока мы расхлябисто шагали к Володиному дому.

– Грустью своей. Славная кормушка.

– А из хлеба насущного?

– Из насущного – по вечерам у них каша, которую я наготовлю.

– Так ты тут главный, получается?

– Не-а. Не главный. Я здесь – заведующий. – И он снова присмеялся.

Часовичок был весел и бодр; жители Загоново – пустые и высосанные. Я ничего не мог понять – и надеялся, что ужин прояснит дело.

Трапезничали загоновцы в церкви. Столовая это была копеечная и паршивая: прогнившие доски с гвоздями, занозистые табуретки, огромный стол, выцветшие иконы, сваленные в кучу канделябры и книжки...

Мы готовили на заднем дворе, в огромном чане. Вернее, готовил Володя. Я костёр жёл и дрова колот – это я любитель.

Народ созывали колоколом. Звучал он так, будто его переплавили в пушку, а затем вдруг решили, что и обратно в колокол неплохо бы.

Бамммм. Дунннн. Бамммм. Дунннн. Бамммм. Бамммм.

Приход вышел обильный: но не было оживления и потирания ручек: все проходили к своим местам постыло.

Каша получилась прогорклая – я отставил её в сторону. У меня ещё оставалась краюха хлеба из своих. Жуя, я огляделся: нет, потеплело немножко – то ли из-за еды, то ли из-за доброхотного Николы Чудотворца в уголку. Пелена грусти-печали спала с жителей Загоново, и они даже что-то друг дружке говорили. Справа от меня сидел часовичок: каши он не ел, только крутил ножичек, уткнув его остриём в стол. И говорил мне:

– Теперь иди, задавай свои вопросы. Но ты сразу Сократа дёргай, он у них тут знайка главный.

Я прошёлся, борясь с желанием закурить. Церковь как-никак...

– Сократ мне друг, но грусть-то мне дороже! – донесся до меня разговор повитухи с другой женщиной. Говорила, конечно, не повитуха, – та уже двух букв связать вместе не могла.

– Это Сократ вас грусти научил? – спросил я осторожно.

– Чаво вы! Сократ над грустью задумался токмо. У нас, понимаете, раскол. Одни – к грусти чувством, другие – умом. Я сама-то не противная. Я – женщина простая. Но леший его раздери, когда Сократ выходит из дома и начинает катить бочку мимо моего окна... – говорит, говорит, а губы трясутся. И платок с головы – того гляди свалится.

Из-за стола вдруг поднялся медведь-купец и подошёл к нам.

– А! С приездом треплетесь. Ну-ну. – Сократ обратился ко мне. – Вы мозги им пудрой сахарной не посыпайте. Женщины – как мякиш, они спорить не умеют. Вы со мной спорьте. Я представитель.

– Да Боже упаси! Я не спорить пришёл, а разобраться, – отвечал я.

– А! Пытливый ум? Хвалю и уважаю, сам баловался пыткой. Разобраться? Да пожалуйста! Понять идею проще, чем петуха убить. Вы про синусоиду слышали? В школе учились? Поясню: «плохо» с «хорошо» друг за дружкой скачут – в чехарду играют, понимаете, да? Так вот, любезный, чтоб не барахтаться по взлётам и падениям, – мы затеяли небывалое падение: упадочное поселение, если охотно. Наши – ничего не делают. Наши – зябнут и убиваются. Супротив суеты мы, кратко говоря. – Сократ был мил: то бородой поведёт, то закачается, то лоб нахмурит: но всё слегка, в пределах приличного. А всё равно чуял я: горбатого мне лепят.

– И всё это для великого взлёта потом? – уточнил я.

– Именно, любезный вы мой! – Он даже схватил меня за плечи. – Не проиграешь – не победишь. Вот устроили мы у себя загон: погибаем тут всё, а потом как взлетим! Когда все так заживут – то и, прости Господи, рай на земле устаканится. Но никого к нам не гоним. Всё добровольно.

Я отшатнулся недоумённо. До стенки самой пятился, а там – спиной по брёвнам – и сел. Хотелось спорить. Но вот незадача – не умею!

– Но это же ведь ерунда получается... – проговорил я.

– А. Вы тоже из этих? – Сократ заметно огорчился.

Продолжая сидеть, я обхватил коленки для уверенности и заговорил:

– Ну ладно. Забудем даже, что вы село в хлев превратили. Чисто математически – никто из вас до рая не доживёт. Ну не пойдёт к вам никто. Ну любят люди жить.

– А часовичок нам говорил, что очень даже разлюбили!.. В Америках вон что-то вроде нашего посёлка уже водится...

Я нахмурился, встал потихоньку, не отрывая рук от брёвнышек, и поглядел на часовичка... Он ухохатывался как потерянный: со стула даже повалился – будто его щекотнули исподтишка.

– Так это ты, что ли, всю кашу заварил? – спросил я строго.

– О-ха-ха! О-ха-ха!

Часовичок валялся, он ржал как конь. Целить надо было не в него, а в народ... Нужно возвышение. Нужна речь. Ай, ладно! Вскочил на табурет:

– Жители села Загоново, вы прозевали чудовищное преступление! Ваш любимый часовичок, который заводит вам часы и кормит вас кашей (я уверен, в ней что-то неладно), – это просто один большой подлец. Он воспользовался вашим отчаянием! Ввёл в заблуждение! Он питается вашей тоской, – гляньте, как хохочет с неё! Одумайтесь! Не для того человека лепили! Ну к чему все эти загоны, товарищи? Тяга к разрушению? Понимаю. Поддавайтесь же, – но по чуть-чуть. Слушайте панк, курите трубочку, раз в месяц пейте! Ну а так... не по-людски... как-то... Вот.

Я в смущении прыгнул с табурета. Речь имела успех: жители села Загоново запрыгали, замахали руками и закричали в лад:

– Да-лой часо-вичка! Да-лой часо-вичка! Да-лой часо-вичка!

Сократ с доктором даже попытались связать часовичка верёвкой, которая была Сократу завместо пояса.

А часовичок вскочил на табурет – весело, игриво. Вспрыгнул на стол и танцевато зашагал вперёд, на каждый шаг делая по щелчку пальцами. Загоновцы бросили все дела, все мысли и забились в припадочном танце – руки держали по швам, а головы вскидывали кверху и обрушивали их вперёд. Раскачиваясь. Заражая соседей. Как неживые. Как марионетки.

Часовичок вышагивал туда-сюда и щёлкал пальцами. Загоновцы шаманически плясали. А я стоял, выпялив на всё это глаза.

Казалось, конца этому не будет.

Отважный человек на моём месте схватил бы топор и отрубил башку Володе-часовичку. А я? Я забрался под стол и стучал зубами, понимая, что из глаз вот-вот пойдут стеклянные слёзы бессилия и ужаса. Но что-то переменялось. Сквозь ужас начал проступать смешок. Поначалу – нервный, истерический. Затем всё громче и уверенней. Казалось, смеюсь не я, а торгош, которого чуть не облапошили, но он в последний момент раскусил жулика. Смех разлетелся и растекался под столом. Вибрировал и переливался. Обволакивал собой все внутренности церкви – и шёл дальше, дальше! Сначала шагом, потом телегой, затем – самым настоящим паровозом. Рокочуще, обезоруживающе, задорно! Богатырский смех!

Запахло печкой, парным молоком и козой. Ладаном и свечками. Теплом, уютом и плясками. Что-то переменялось.

Я вылез из-под стола и увидел: люди танцевали, но не под дудку часовичка: они кружили удалым хороводом вокруг него под звук моего раздирающего глотку смеха. Дурак-часовичок взбеленился, он всё ходил и выщёлкивал свой ритм. А наши – уже и за частушки взялись:

*На часы взглянуть забыла,
Стало непонятно мне:
Я корову подоила
Или с парнем во кусте?*

Фьюх!

*Птичка пела о судьбе,
Плакала Федосья.
Было в доме бабы две —
Одну звали Коля.*

Фьюх!

Частушки наши были такие дурацкие, что часовичку ничего не оставалось, кроме как исчезнуть. Облачка дыма – и того не оставил.

Все рассмеялись и захлопали в ладоши. Минут десять – не меньше – все загоновцы весело гоготали. А как животы потом болели!

Но скоро – поуспокоились. Приняли степенный вид (можно было различить в нём панику). Народным голосом снова был Сократ:

– И чего нам делать-то теперь?

– Делать, что делается, – сказал я, наскоро оглядевшись.

А Сократ со всею внимательностью вгляделся своими буравчиками в каждый перевёрнутый стул, в каждую гнилую икону, в каждую рану в нутре этой церкви – и ответил каким-то вздохом:

– Это ты легко сказал, конечно...

Март 2017

Человек на скамейке

Раз, в какой-то совершенно непонятной грусти, давно уже копившейся на дне сердца моего, – я взял да и спёр скамейку из института.

Простецкую, без спинки даже.

Не успел я пройти десяти шагов по вечернему переулку, как за мной выбежал охранник. А дверь за ним и хлоп! Он бросил погоню, стал щемиться обратно – оказалось заперто. В институте не было никого. Охранник протянул руку и потряс, будто бы прося подаяния. Мне сделалось жалко, я подошёл. Поставил скамейку на циновку снега. Сел.

Он оглянулся по сторонам и присоединился. Теперь на скамейке сидели и дышали морозом два грустных человека.

– Вы извините меня, пожалуйста, – сказал я. – Мне вообще эта скамейка не сдалась. Сам не знаю, что на меня нашло.

– Да это всё равно! – Он махнул рукой. – Худо, что ночевать мне негде. Я с женой в контрах сейчас.

Мелькнула мысль пригласить его к себе... Нет, это было бы слишком.

– Вы пока отдохните, посидите вот, – сказал я. Охранник и сидел.

– Вы как вот думаете, кто я? – И говорил.

– Охранник, вестимо.

– А кроме?

– Не знаю. – Гадать и ошибаться не хотелось: и без того гадко.

– Актёр я! Актёр. Хотя меня мало узнают. Только продавщица наша... А! Слушайте! Дайте мне, пожалуйста, книгу. Вы же студент – должна быть у вас хоть какая-нибудь книга? Ну, бумажку дайте, тоже пойдёт. А пальто можете? Буквально на минуточку.

Он встал, накинул мой тренкот на плечо, как бы плащ, сдвинул свою кепку набок, чтоб походило на берет, и начал раздумчиво ходить. Он до смеха походил на арлекина: плащ его был клетчатой изнанкой наружу.

– Скажите как бы в сторону: «Заговорю с ним опять». А потом – ко мне: «Что вы читаете, принц?».

Что ж. У каждого свои загоны. Отвернувшись к стенке, я промямлил:

– Заговорю с ним опять... – Повернулся: – Что вы читаете, принц?

– Слова. Слова. Слова, – произнёс он томно. Подавая мне пальто и вчетверо сложенный листок, он весело спросил: – Ну как?

– Я не очень разбираюсь, но, по-моему, неплохо.

– Спасибо, а то трудно мне очень. Вы же знаете, чем актёр отличается от обычного человека? Ему зрители нужны. – Он закашлялся в смешке.

– А вы, то есть, Гамлета играли?

– Не-а. Заднюю часть коня или дерево – как повезёт. Да и было это, в общем-то, в школе. – Мы помолчали немного, и помолчали бы больше, но Гамлет вдруг встал со скамейки: – Времени-то!.. Пойду я потихоньку. Охранять всё равно нечего. Дайте бумажку, я вахтёрше записку оставлю.

Я предложил к его услугам свой телефон, но Гамлет отказался.

– Ну а как быть с?.. – Я кивнул.

– Скамейкой? Да забирайте себе – всё равно никто не заметит.

– Давайте я лучше её напрокат возьму? Дня на два.

– Можно и так.

С тем и расстались. Охранник отправился Бог весть куда, а я перебросил скамейку через плечо и зашагал. Конечно, Гамлет меня повеселил, но на душе оставалась пустота. Я неслышно напевал Летова.

Прошёл по Никитской, свильнул в Брюсов переулок.

Крепкий мужик с брюшком – в плаще – тоже вышел с Никитской. Он обогнал меня, стал вдруг на месте, обернулся, пугающе быстро подошёл, огромной своей рукою пожал крохотную мою и спросил, нельзя ли ему посидеть на моей скамейке. Отказывать было неловко. (Мы стояли у англиканской церкви. Со скамейками там вправду худо.)

– Вольф Альбертович, – представился он, усевшись.

– Велимир Хлебников.

– А. Шуточки? Бывает-бывает. Залив Судака – переплывали?

– Я и Босфор переплывал.

– Судя по вашим ответам, вы не кто иной, как студент. Угадал?

– Угадали. А вы, судя по вашей манере размышлять, – преподаватель?

– Именно так.

Мы сидели, засунув руки в карманы и вытянув ноги, – зябко, как воробьи. Не знаю, почему, но мне не хотелось делиться *своей* скамейкой.

– И что же вы преподаёте, Вольф Альбертович?

– Историю. Но не у вас, можете не лебезить, всё равно больше не встретимся.

– Мне просто любопытно. Раз вы историк, то можете вы сказать, когда в России снова будет революция?

– Когда рак свиснет. – Он серьёзно покачал бровями. – Извините. Вы просто спрашиваете не с интересом, а с любопытством. Не люблю такое. А вообще – нескоро. Лет через сто, может быть. Вы новости вообще читаете?

– Извините, не слежу... Я скорее про вообще...

– Ваш народ – студенты – любит всё, что «вообще».

Вольф Альбертович был цветом под стать кирпичу за нашими спинами. Но скоро он остыл – и сравнялся с жухлым снегом под ногами:

– Ладно, простите, пылию, – сказал он. – Вам лет восемнадцать, наверное, да? – Я кивнул. – Ну наберётесь ещё, наберётесь, если не взлэнитесь. Тянуться надо. Тянуться! Я вот – по происхождению мужик, а читаю лекции мещанам. Смешно! Ну да ладно. Глупости. Я ведь другое сказать хотел. На кой вам эта скамейка?

– Пока не решил. Зато могу назвать причины: дама и безответность. Вина, так сказать, не вполне моя.

– Ну что за Адамовы оправдания? – поморщился он. – Извините. Просто худо, когда не слушают. А кто кого сейчас слушает? Каждый в своей клетке. Но который там час? – Он залез рукой в карман. – Батюшки! Уж первый! Извините ещё раз – тороплюсь. Благодарю за скамейку. И за компанию – тоже. До свиданья, Велимир. До свиданья и удачи!

– И вам того же!

Нести скамейку на плече мне надоело: я забросил её за шею и шёл теперь как с коромыслом. Взглядов я не боялся: улицы порядком обезлюдели. Да и какая, в общем-то, разница?

Я шатался бессмысленно. Прошёл по Кузнецкому до Мясницкой, подмигнуул голове Маяковского; вышел на Чистые пруды и под улюлюканья выпивающих панков двинулся к «Трубной». Там я бросил взгляд на столп, на котором тусовался очередной Георгий Победоносец, и решил присесть.

Скамеек было полно, но всё же я предпочёл свою.

Ночь была в зените, когда подсел парень очень странного вида: с козлиной бородкой и асимметричным лицом: как будто ребёнок собирал. И говорил он, растягивая слова как жвачку:

– Чу-увак, я хотел спросить: а за-ачем тебе своя скамейка?

Он слегка покачивал головой: кажется, его потряхивало.

– Пора уже частной собственностью обзаводиться, – сказал я.

– Эт-то ты ловко придумал... Только за городом оно полезнее ведь.

– В чисто-поле? Ну. Там одиноко же. А тут поставлю, – и кто-нибудь обязательно подсядет и ненароком свою историю расскажет.

– А... Так ты истории собираешь?.. Я тогда тоже кой-что расскажу.

Реши-или мы, значит, с моей девушкой устроить романтический ужин... В шикарном типа заведении. Где-нибудь вроде ресторана «Пра-а-ага»... Ну, побюджетней. Годовщину отметить. Я кумекал, соображал. А потом вспомнил, что её отец как бы шеф-повар в заведении под названием «У Пиковой дамы». Там, у МКАДа почти, в общем. Ходят в него сплошь иностранцы – из южных широт. За счёт банкетов живут, короче.

Но еда обещала быть хор-роша. И отец её обещал уговорить местного певца хотя бы вечер обойтись без таджикских напевов. Там вообще пусто обычно, а он всё равно поёт.

Мы пришли, но почему-то есть не хотели. Заказали чаёк... Сидим, болтаем, там, пусячки милые... А к нам подходит официант: в жилетике таком, сам-с-усами. И спрашивает: «Вам чего-нибудь ещё?» – мол. Мы ему: «Нет-нет. Всё и так замечательно». А он настаивает...

Главное блюдо советует – «Пиковую даму»... (А заведение оформлено соответственно: карты везде, стулья дубовые.) Говорит, что вкусней мы ничего не ели, что это рулет мясной: со всякими ананасами, соусами, овощами... Соблазнительно говорит. Ну-у, мы один на двоих заказали. Приносят. Пробует сначала она – говорит, вдруг там тройка и семёрка спрятаны. А потом я... И вкусно это дело – н-ну чертовски!

А потом смотрю на неё... Смотрю на себя... И по-онимаю, что мы нафиг голые. Так-то мы за столом, ну а сверху она меню прикрылась: народу нет, конечно, но стрёмно как-то без одежды! Я позвал официанта, попросил у него полотенец, там, или что-нибудь. А пришёл отец моей девушки. Спрашивает, как нам здесь. Я кричу: «Да мы же голые, блин!» А он щурится такой: «А вы „Пиковую даму“ случайно не зака-азывали?» Понятно дело, я разозлился. Ну и сказанул сдуру: «Эт-то всё ваша дочь!»

Ну ничего. Одел нас как-то. Подвёз на машине даже. Но больше мы к нему в ресторан не ходили. И веге-тарианцами стали.

Рассказчик умолк, почти тут же спросил: «Будешь?» – и протянул мне сигарету. Я не отказался.

– Поучительно, – проговорил я, выдыхая дым.

– Да-а а чему здесь учиться, я, соб-бственно, не понимаю?

– Ну так. Смирению. Спасибо за историю!

– Па-а-дажди, ты хочешь попрощаться? – Раздался его смешок. – Типа... историю выпытал – и всё?

– Нет, ты неправильно понял, я...

– Да я прикалываюсь. В добрый час. – Он покинул мою скамейку.

Утомлённый, я уже волочил её, лязгая и звякая об асфальт и брусчатку. Не очень-то зная, куда мне идти, я решил двигаться по Садовому в сторону «Маяковской».

Тверская просекою бежала меж домов. Машины безоглядно уносились. Снегопад вычерчивали фонари. Мне почему-то радостно стало, и прямо перед другой скамьёй, муниципальной, я установил свою.

Ко мне подседа довольно милая девица: в шелках, безвольно свисающих из-под бежевой курточки. Некрасива, лицом похожа даже на лопату, – но очень изящную лопату. С глазками кошачьего зелёного цвета и отточенным носиком. Она спросила совсем без обиняков:

– Хотите я стану вашей девушкой?

– Гм... У меня, видите ли, денег нет.

– Вы меня совсем не так поняли! Как бы это объяснить... Просто вы мне показались симпатичным. К тому же скамейку свою принесли. Очень мило, на мой взгляд. Так и зачем мне ждать, пока вы начнёте добиваться от меня слова, улыбки, номера телефона, водить в кинотеатр, в консерваторию, в бассейн? А вдруг вы вообще робкий? Я вам ресницами хлопать буду, а вы и не поймёте, что я имею в виду. Так лучше я первая тогда заговорю. Я и так уже вижу, что мы прекрасная пара. – Она так весело излагала, что я не понимал, сколько именно вздора в её словах.

– Но это... странновато... – проговорил я.

– Очень может быть. Ну да ладно, я опять болтаю. Я не эгоистка. Расскажите что-нибудь о себе. – Она уставилась на меня ступёвывающим взглядом.

– Да нечего рассказывать. Украл эту скамейку, слушаю тех, кто подсаживается. У меня вообще чувство такое, что все позапирались в себе и не показываются, а на такой скамейке – как будто погулять выходят.

– Как вы это верно про «погулять»? Ой, а можно я анекдот расскажу?

– Конечно.

– Только он долгий. Но это же ничего?.. Хи!

Работал один парень проводником на поезде. Ну работал себе, работал, а потом – раз – выкинул какую-то скверную пассажирку прямо на ходу. Она обиделась, в суд подала. Оглашают приговор: смертная казнь.

Деваться некуда – идёт он, садится в кресло. У него спрашивают: «Ваше последнее желание?» А он говорит: «Банан хочу».

Съедает он банан. Бьют его током. Раз бьют, два, три. Живёхонек! По закону должны его помиловать, раз уж ток не убил.

А парень тогда в другой конторе устраивается – тоже на поезд, тоже проводником. И такой уж характер, что он опять выкидывает пассажирку. Его снова судят, снова смертная казнь. Банан – три удара – помилование.

Журналисты его облепили и спрашивают: «Да что ты с бананами-то своими делаешь?» Он отвечает: «Ничего, просто я люблю бананы». Журналисты рвут волосы, спрашивают: «Но в чём секрет?» А парень им отвечает: «Наверное, дело в том, что я просто плохой проводник».

И начинает эта девушка хохотать. Десять смехачей – и те её б не пересмеяли. Натурально в истерике бьётся! Я уж за руки и плечи держу, чтобы не упала она в своём смеху.

– Фух! Ну и умора! Да же?

Она натывается на мою усталую мину, удивляется и вот что предпринимает: повторяет свой анекдот. Дословно! И снова смех, и снова до слёз, и снова я её держу. Видя, что до меня не дошло, она в третий раз повторяет историю про проводника. Смекнув, наконец, что надо посмеяться, я всё-таки это сделал. Тогда только и угомонилась.

– Фу-у-ух, ну и весело же с вами! А так – как моё предложение?

– Я согласен.

– Оставьте мне свой номер тогда, завтра созвонимся.

На прощанье обнялись (я ещё нелепо похлопывал её по спине), и я поплёлся со своей скамейкой дальше.

Мне надоело таскаться так: я перевернул скамейку ножками кверху, улёгся животом и покатился по гололёдице, то и дело подгребая правой и левой. Вполне удобно, хотя переходы для таких заездов не оборудованы, – ну да это пусть.

Я прибыл на Красную площадь. Огляделся вдохновенно – и поставил скамейку. Скоро должно было светать. Прохожие не расширяли глаз: спокойно проходили мимо. Человек на скамейке? Странно? Отчего ж? Наконец подсел какой-то строгий коротышка в очочках.

– Вы кто? – Я заговорил вдруг первый.

– Издатель, – ответил он и сплюнул.
– Да вы шутите.
– Нимало. А вы зачем здесь, со своей этой скамейкой?
– Материал для рассказа собираю. Люди охотно делятся всяким.
– Ну, я могу сразу сказать, что рассказ выйдет никомушный.
– Это почему же?
– Сами посудите: какой здесь сюжет? Герой слоняется со скамейкой и заговаривает с людьми? Глупо, бессодержательно и даже не смешно.

Я обиделся и промолчал. А потом сказал:

– Вы, кажется, сами такой рассказ когда-то написали, да?

Он цокнул, мотнул головой, отвернулся – и заговорил:

– Ну да. Его не взяли, и теперь я сам заворачиваю всё, что мне приносят. За пять лет деятельности я издал только один томик стихов какого-то казаха. Ну да! А вы думали, почему я так плохо одет?.. – Он вымолчал, сколько считал должным, и продолжал: – Всё очень просто. Надо сокращать количество вздора. Вы думаете, Земля погибнет от перенаселения? Нет, она погибнет от вздора. Уже и дышать нечем!

Я его перебил:

– Давно вы читали то, что вам присылают?

– А зачем? Я уже знаю героев, сюжетные виляния, стили. Всё знаю.

– Лучше на растопку?

– Или вместо туалетной бумаги.

– Простите, я очень устал за сегодня. Можно я вам пришлю свою рукопись? Но только чтобы вы её прочли. Из интереса.

– Не думаю, что вы меня удивили... Но попробовать можно

– Куда посылать?

– Вот мои координаты, запоминайте: пятьдесят пять градусов, сорок пять минут, двадцать одна секунда северной широты и тридцать семь градусов, тридцать семь минут, четыре секунды восточной долготы.

– Хорошо. Я запомню и обязательно пришлю. А теперь – оставьте меня, будьте добры. – И он – оставил.

Я прилёг на свою скамейку. Глаза закрывались, спину ломило, голова гудела, во рту было гадко. Отличная ночка, нечего сказать!..

– Дядя, а можно мне сесть? – Меня дёрнули за рукав.

Это была маленькая девочка, лет шести-семи, чернявая. Я сел и освободил ей место. Куранты били двенадцать раз, меня слепили яркие зимние лучи. Уже полдень, а ментам я безразличен?.. Я пытался разлепить глаза и тёр шею. Но слушал очень внимательно.

– Меня зовут Арина, а тебя? – сказала девочка.

– Антон... А ты что здесь делаешь одна?

– Я гуляла-гуляла с ребятами во дворе, кто-то предложил сбегать на Красную площадь смотреть. Я смотрела-смотрела, а потом ножки устали.

– А где твой двор?

– Совсем рядом, на Океанском проспекте.

– Не помню такого в Москве... И что? Где твои друзья?

– Разбежались кто куда... Мне одной страшно – тут такие большие все! И их та-а-ак много!

Мы сидели, разглядывая проходящие мимо куртки незнакомцев.

– Ты хочешь найти своих друзей? – спросил я.

– Да! Друзей!

– Тогда тебе повезло. У меня есть волшебная скамейка: ты на неё садишься, а друзья сами собой появляются. И знаешь, что? Дарю.

Глаза её переменились и наполнились той искренней радостью, которой люди очень быстро разучаются.

– Спасибо, дядя Антон!

Я оставил Арину и присоединился к проходящим курткам. Отойдя шагов двадцать, я обернулся: на скамейке сидело уже пятеро ребятшек. Я не успел толком порадоваться за Арину – мне позвонили.

Декабрь 2015

Приглашение на прогулку

Я ненавижу букву «г». Она фонетически омерзительна. Самые скверные слова начинаются именно с этой буквы: гадость, глупость, голод, ГУЛАГ, государство, Господь (что, в общем, то же), гангрена, гнильё, география, галлюцинация, гносеология, говно, гульфик, газета, гильотина, гроб, гибель, град, галстук, Галина... Хватит! Я решительно исключаю её из лексикона! Я!.. Я вообще не о том хотела рассказать.

Цензуры на Руси уже лет тридцать нет. Это официально. Неофициально – процветает. А заведу ей я.

У нас в редакции принято помалкивать об этом. Мой кабинет в самом конце коридора, – но ни одна рукопись без моей печати и думать не думает о том, чтобы куда-то пойти.

Вот, принесли опять. Очередная мура про счастливую любовь. Я херила красной ручкой одну страницу за одной – и отбрасывала их в сторону с небрежным шелестом.

– Можно войти? – постучался: Рома.

– Да-а-а, – я попробовала вчитаться, но опять увидела: «нежные плечики дышали фиалками» и «Вселенная затаилась в её очах». – Да-а. Войдите.

Явился, раздолбай: подбородок боится выступать и нежно поддаётся, чёрные волосы засалены напрочь, нерешительный рот застыл в вечной улыбке не то кота, не то кролика. Одет кое-как: синий жилетик в лишённую вкуса клеточку; воротник рубашки распахнут – наверняка отлетела пу...

– Как работа? – спросил Рома, заложил руки за спину и навис над столом – будто бы не мешая.

Я приподняла очки и ухватилась за переносицу (она стонала):

– Да никак. Опять все счастливы, все целуются. Аудитория не поймёт.

– Не хватает мрака?

– Именно.

Я надела очки и потянулась к кофе – темновато у нас тут, одна только лампа следака; меня окружают бумажки, кипы, талмуды, – я потянулась к кружке и нащупала пузатую бутылку. Поднесла на свет:

– Это что? Коньяк?

– Коньяк.

У Ромы взор мерцал.

– Убери это. – Я протянула ему бутылку и поправила неприлично распахнувшуюся шаль.

– Но у тебя день рождения, вот я и...

– Убери, я сказала.

Нет, я пью – просто редко: раз месяца в четыре нарезаюсь как настоящая свинья. Правда, одна. И на обед я не хожу (терпеть до ужина дешевле выходит). И курю ровно четыре раза в день (пять – уже разврат). Рома знал это. На что он вообще надеялся?

– Ну ладно. – Рома спрятал бутылку в саквояж. – Выпить, пройтись... Разве это криминал?

– Сам видишь, сколько работы.

Он не уходил и невыносимо хрустел пальцами.

– Что за текст-то хоть? – Он взял одну из похеренных страниц.

– Похоже на... Ну, помнишь, тот парень, что «Вечер у Клэр» написал? Почти то же самое. Только без зазнайства и повеселей.

– Так плохо? – Он всматривался в буквы. Потом отвёл страницу и посмотрел на меня так, будто я тоже буква. – Ты знаешь, что у тебя усталые веки?

– Знаю. Я как родилась – так сразу и устала.

Рома ещё несколько времени повертел в руке какой-то карандаш, потом щёлкнул краем рта и ушёл. Наконец-то.

День рождения... Подумаешь! – ещё раз облетела Солнце. Уж как мне потрудиться-то пришлось!.. А ведь забавно. Большая часть праздников отмечает оборот колеса: беспомощно ставит на нём отметку. Всё повторяется-ряется-ряется. И мы ещё радоваться должны! Чему?

В окно ветка постучала. Это и есть тридцать лет?..

Это не ветка была – это редактор. Я поскорее схватила страницу и сделала вид, будто читаю.

– Кхм-кхм-кхм! – Он чуть не упёрся животом мне в ухо.

– Да? – спросила я, понимая, что он не отвяжется.

– Слушай, тут такое дело...

– Ну?

– Помнишь ту поэмку, что я тебе пг'иносил?

Он был картавый, в твидовом пиджаке, похожий на плюшку; вместо носа – корень имбиря. Он был достоин только презрения, зато – от всей моей широкой души.

– Да, помню. Она прошла, – сказала я.

– Видишь ли... – Он облокотился о стол и дохнул чесноком. – Мне её на Бг'юсовых вечег'ах читать пг'едложили. Можешь вымаг'ать букву «г»?»?

Я припомнила поэму. Действующие лица: раввин, разбойники, рабочие, революционеры, рифмачи, румыны и русские. Все они расшвыривают, расфуфыриваются, расцеловывают, расчленяют, ранят, режутся (о разные робеющие и дряблые сердца), рапортуют, разочаровываются, ребячатся, разведывают и радуются.

– Послушайте, Михаил Семёныч, но это уже будет совсем иная поэма...

– Это не стг'ашно. Ты вымаг'ай, пожалуйста.

Он выпрямился, мерзко постучал себя по пузу и ушёл. Я наклонилась к столу. Ящик был вонючий: внутри лежала поэма. Я провела пальцем по корешку: послушала хруст и хлоп. Страниц двести – не меньше.

Откинулась на спинку, положила руки на макушку, вслушалась в хлёт ветра за окном. Раньше полуночи мне отсюда не уйти.

Эльба, пиво, родина Шиллера. Надо было там оставаться – доучиваться. А ведь можно было. Жизнь без проблем, без картавых редакторóв, на расслабоне... Впрочем, не страшно: отпуск раз в четыре месяца – и езжай, не хочу! На поводке, конечно. Что я – хуже, чем все? И не лучше. Да и пиво я не люблю.

Влетела секретарша – не моя, одна на всех – Муся. Она ужасная клуша, но царство букв – оживляет.

– Звонил Вениамин Леонтьич, просил поработать над рукописью.

– Это который шепелявит?

– Он самый. Ещё он сказал...

– Передайте, что я занята. У меня день рождения.

Муся умолкла. За окном подвывало.

– Поздравляю... – Её малокровные щёки покраснели.

– Да, да. – Я опять уткнулась в листки.

Дверь хлопнула, я осталась сидеть. Паршивое кресло – в мякоть проваливаюсь, и спина потом болит. Нет, вот лежать бы мне у моря... И чтоб мавры с опакалами...

Теперь шепелявый, значит? «Р», «ш», «щ» – кто следующий? Так от алфавита шиша не останется! Нет, одна буква неистребима: Я! Я! Я! Я!

А всё-таки – вот, день рождения. Имею право уйти пораньше. А на улице вечер дождит... Впрочем, я и Антарктиду предпочла бы сидению здесь. Никто обо мне не знает, никому я не нужна. И тридцать лет.

Сотворены по образу и подобию Ихнему... Экстренное предложение! За хорошее поведение продаётся потрясающая путёвка в Рай: комфортабельные квартиры, тёплая вода, хорошая кухня, сауна, бар, аниматоры... Не слишком-то верится. Не слишком.

Тик-тик, тик-тик – часы отсчитывают скуку. Хотя... Да. У меня есть абонемент в консерваторию. Этим вечером Бетховен, опус 84. Хорошо бы. И коньячком запить. Но поэма... Я посмотрела на стопку. Какой идиот вообще придумал писать поэмы? Он был явно нездоров.

Я встала и подошла к окну. Уныние и подавленность. Рохлые домики лезут на битые тротуары, уже усыпанные дохлыми листьями, над ними – трубы дышат туманами. Мятажу места нет. Проезжает трамвайчик – на колдобинах его знатно валтузит. Я люблю трамваи: они кротки, тихи и прекрасны. На повороте он вдруг примедляет шаг и позвякивает, будто приглашая: можно сесть в него и уехать хоть куда: дышать на стекло, протирать его рукавом, вглядываться в черноту, преодолевая отражение: озираясь по сторонам и удивляться, как много в этом мире есть прекрасного и безобразного: стоит только подняться по его гостеприимным ступенькам и купить билетик. Закрыв глаза, я поняла, что глупо улыбаюсь.

– Галина Глаголевна! – Муся прервала мою улыбку. – Вас Роман Григорьевич спрашивает: говорит, это связано с вашим праздником.

Я раздражённо бухнулась в кресло:

– Напоминаю, Муся: цензор – существо безымянное и бесполое. А Роме скажи: не в этот раз.

Сентябрь 2018

Остров Татышева

В Красноярске стоял неподражаемо обычный и привычно унылый летний вечер. Гроза душно подбиралась к окраинам и ещё надеялась освежить город, но горожане уже попрятались по своим домам и угроз её не боялись.

Костя Солухин ходил по аптекам и искал «Гликодин». Обошёл центр, Железнодорожный, кусок правого берега – не нашёл. В тех аптеках, где и было, – без рецепту не отпускали.

Он вернулся понуро домой, стянул ботинки, прошёл в ванную, вымыл ноги, навёл на лицо благодушный вид и пошёл навстречу ужину.

В типографии у них случился коллапс. Какой-то чудак привёз к ним станок Гутенберга и навёл шороху. Разумеется, мучительно менять литеры посадили Костю – он же разнорабочий.

Жена вернулась уже с работы и стучала ножом по доске. Костя уютно приобнял её сзади и поцеловал в пучок волос, что держался на карандашах. Она радостно обернулась и поцеловала Костю в ушко. Сегодня она была особенно хороша: домашнее платье, серые глаза, украдистая улыбка.

Выкурили по сигарете, Лиза рассказала несколько курьёзов с работы.

– Ну, «работа – говно» – сюжет известный. К нему обращались и Эсхил, и Еврипид, и Софокл... – заметил важно Костя.

Лиза вдруг заглянула в поисках чего-то в холодильник.

– Ты что, опять все помидоры сожрал? – Она вытянула шею, как рассерженный гусь.

– Лиз, ты извини, я нечаянно...

– Да сколько это может продолжаться? Я ещё вчера говорила, что буду делать салат!

– Ну прости, Лиз! Я больше не буду, – полез на колени Костя, хватаясь за её ручку для примирительного поцелуя.

Лиза – отдернула ручку обидливо.

– Одно и то же! Одно и то же! Вон с кухни! И пока на ужин не приглашу – чтоб глаза мои тебя не видели!

Костя спешно покинул кухню, включил компьютер, грустными глазами вперился в монитор, стал читать новости.

Странное дело: на острове Татышева расплодилось суслики. Чтобы избавить город от разжиревшей напасти, на них выпустили лис.

В Красноярске стоял невероятно обычный и предельно унылый летний вечер. Пыль с нахрапом лезла в глаза, от ветра можно было простудиться, а горожане сидели по квартирам, глядя на потерявшиеся фигурки за окном.

Костя Солухин ходил по аптекам и искал «Туссин Плюс». Обошёл весь центр, всю Зелёную рощу, весь Солнечный – не нашёл. В тех аптеках, где и было, – без рецепту не отпускали.

Он вернулся измождённый домой, стянул ботинки, зашёл в ванную, ноги вымыл, навёл на лицо вид поприличнее и отправился на кухню.

В типографии у них случился бардак. Клиенты-турки почему-то сами решили сделать вёрстку, прислали её, а там – ащипка на ошибке. Разумеется, разбирался со всем этим Костя. Он же разнорабочий.

Жена вовсю готовила суп. Костя нежно обнял её сзади и поцеловал в самую макушку. Она устало обернулась и поцеловала Костю в лоб, привстав на носочки. Сегодня она была особенно хороша: хитрая улыбка, ясный и пристальный взгляд. Её волосы навевали дух восточной сказки.

Выкурили по сигарете, Лиза рассказала несколько неурядиц с работы.

– Ну, «работа – говно» – сюжет известный. К нему обращались и Чехов, и Ибсен, и Стриндберг, – заметил, кивая, Костя.

Лиза мечтательно отодвинула шторку: хотела посмотреть закат.

– Ты что, тюль прожёт? – Она ткнула пальцем прямо в прожог.

– Лиз, ты извини, я нечаянно...

– Да сколько это может продолжаться? Я месяц назад новые купила!

– Прости, Лиз! Я больше не буду! – Костя встал с табурета и попробовал её обнять.

Лиза проскользнула под его неловкими руками.

– Одно и то же! Одно и то же! Вон с кухни! И пока на ужин не приглашу – чтоб глаза мои тебя не видели!

Костя послушно покинул кухню, включил компьютер, открыл браузер, взялся читать новости.

Странное дело: на острове Татышева расплодились лисы. Чтобы расправиться с ними, запустили волков.

В Красноярске стоял неожиданно обычный и заскорузло унылый летний вечер. Дождь настиг город: он сыпал и сыпал на него постылые удары. Но горожане уже скрылись в домах и слышали только стук по карнизам.

Костя Солухин ходил по аптекам и искал кетамин. Обошёл весь центр, всю Покровку, до Ветлужанки добрёл – не нашёл. В тех аптеках, где и было, – без рецепта не отпускали.

Он вернулся никакущий домой, сбросил ботинки, зашёл в ванную, помыл ступни, навёл на лицо вид поживее и поплёлся на кухню.

В типографии у них случилась катастрофа. Директора забрали в долговую яму за неуплату налогов, всё опечатали и объявили предприятие банкротом. Но ушлые работники всё вскрыли и возобновили работу цеха. В кресло директора посадили, конечно же, Костю. Он же разнорабочий.

Жена его танцевала на кухне и беззвучно подпевала какой-то из песен Игги Попа. Мясо пахло в духовке. Костя, после краткой борьбы, тоже затанцевал – хотя совсем не умел. Сегодня Лиза была особенно хороша: она походила на каторжника, отбывшего, наконец, свой срок.

Запахавшись, выкурили по сигарете. Лиза сказала что-то о коллегах.

– Ну, «работа – говно» – сюжет известный. К нему обращались и Брехт, и Ионеско, и Беккет... – заметил неважно Костя.

Потом Лиза щёлкнула пальцами и побежала зачем-то в комнату.

– Ты что, пластинку Doors продал? – Вернулась она, сжимая кулачок.

– Лиз, ты извини, у нас ведь денег не было...

– Так это не папины деньги были?.. Да сколько ж это может продолжаться? Что ни куплю – ты сразу продавать!

– Лиз, ну прости меня! Я больше не буду. – Костя уткнул лицо в ладонь и медленно выпускал дым. Лиза стукнула его в плечо.

– Одно и то же! Одно и то же! Вон с кухни!

Костя покинул кухню. Снова за новости.

Странное дело: на острове Татышева расплодились волки. Чтобы от них как-нибудь избавиться – пустили медведей.

В Красноярске стоял самый обычный и необъяснимо унылый летний вечер. Скупое тепло, нежные уколы солнышка и попятный ветер так и манили на улицу. Но горожане – любители дома посидеть.

Костя Солухин ходил по аптекам и искал валерьянку. Обошёл весь центр, весь Железнодорожный, все Черёмушки – не нашёл. В тех аптеках, где и было, – без рецепта не отпускали.

Он вернулся кое-как домой, стащил ботинки и пошёл всё туда же.

В типографии у них случился бордель. Без чуткой руки директора рабочий класс быстро пришёл в разнузданность, заказал девушек по вызову и совершенно забыл о работе. Платить за это веселье пришлось, конечно же, Косте. Как-никак разнорабочий.

Жена стояла и курила в окошко. Вид у неё был поэтический и неземной: нимфа дома завелась. Волосы ручьями стекают по плечам, согнутая нога подставляет взгляду пяточку, лёгкая футболка обтягивает позвонки и рёбра. Тягостный и полный жизни вздох.

Коля поцеловал её в пятку, и они выкурили по сигарете. Лиза о работе не говорила. Только мечтательно бросила:

– А скоро Чехия... – И улыбнулась, покрутив скулами.

Костя сначала замялся сам, а потом замял сигарету – в пепельницу.

– Кхм... Эм-м-м... Видишь ли...

– Что? – Лиза предчувствовала нечто.

– Я сегодня сдал путёвки, на работе устроили балаган, а платить заставили меня, прости, – на одном дыхании выпалил Костя.

– Мы что, снова никуда не поедём? – Она очень хотела поехать.

– Лиз, ну прости меня! Я больше не буду. – Костя ухватился руками за её нежную головку и поцеловал её в самое темечко.

– Одно и то же! Одно и то же! Да это же ад, Костя! И духота, духота!

– Тише, Лиз, тише. Ну что ты! – Он обнял её и гладил вздрагивающую спину. – Праздник – такая же ерунда, как и будень. Он тоже проходит.

– Ты врешь, врешь! – билась Лиза, из объятий, впрочем, не вылезая.

– А может, и вру...

Уложив Лизу спать, Костя снова полез смотреть новости.

Странное дело: на острове Татышева расплодились медведи. Пришла пора охотникам расхлёбывать эту кашу.

Июнь 2017

Тихая тьма

Глаза – слипаются, не видать – ни зги, мотор – ворчит, время – ползёт.

Последние двенадцать часов я мечтал о матрасе, спальнике или хотя бы ровной поверхности доски. Последние двенадцать часов я хотел заболеть какой-нибудь сонницей, чтобы она – на всё наплевав – сразила меня сном прямо за рулём. Последние двенадцать часов я вёл по пустынной дороге, готовой напрочь исчезнуть в ночи, разбитый и немножко погнилый УАЗик, в народе известный по простецкому прозвищу «Буханка».

Я ехал уже второй день: всё без сна – на энергетиках и сигаретах. Я переносил лишения мужественно: но именно эта ночь – эти двенадцать часов – убивали. Хотелось забыться: впасть в спячку: как медведь.

Даже придорожный отельчик мне вряд ли бы помог (а искушения были), вокруг было настолько тихо, что если бы мне приспичило остановить мотор и просидеть в этой звенящей тишине хотя бы пару минут, – я верно бы сошёл с ума.

Не было ни света, ни звуков. Казалось, что вообще ничего нет.

С тех пор, как свет погасили, – ещё вчера, в десять, – я не встретил на дороге ни одной машины, ни одного зверька. Упорно и бессмысленно вглядывался я в выхваченный фарами из тьмы асфальт. Трасса была не ахти – вся в колдобинах. А всё равно странно.

Смотрю на дедушкины часы: на цепочке, смешные. Одиннадцать утра, – а света всё нет и нет. Или одиннадцать вечера? Циферблат на двенадцать делений – сходу не разберёшь, ночь или день. Может, я и не уезжал никуда?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.